

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ПѢСНИ О НИБЕЛУНГАХЪ,

1. Литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ до XVIII ст.

Знаменательный періодъ нѣмецкой жизни изъ временъ Гогенштауфеновъ произвелъ много замѣчательныхъ явленій литературы; въ числѣ ихъ возникновеніе блестящей національной поэмы около 1200 года считается фактомъ особенной важности. Хотя появленіе этой поэмы окружено таинственностью, однако для насъ ясно, что страпствующимъ поэтамъ, пѣвцамъ отдѣльныхъ пѣсень о Нибелунгахъ, наконецъ, даровитому поэту, наложившему свою печать на всю поэму, удалось добиться для своего произведенія такой широкой популярности, что по прошествіи болѣе 600 лѣтъ оно сохранилось еще въ 28 рукописяхъ, не смотря ни на невѣжество прошедшихъ столѣтій и неуваженіе къ старинѣ, ни на войны и пожары, далеко не способствовавшіе сохраненію рукописей и библіотекъ.

Часто рукописи о Нибелунгахъ покоились бокъ-о-бокъ со своими врагами, произведеніями, равнымъ образомъ украшающими тотъ же періодъ національнаго возрожденія нѣмецкаго народа, но заимствованными изъ итальянскихъ и французскихъ источниковъ. Такъ въ Санъ-Галленѣ возлѣ рукописи поэмы мирно почивали, быть можетъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій произведенія

Вольфрама фонъ-Эшенбаха, Парсиваль и Вильгельмъ Оранскій, всѣ соединенныя одинаковой судьбой, забвеніемъ.

Традиціи этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго періода продолжали, постепенно слабѣя, свое существованіе вплоть до XVI столѣтія. Свѣтлая личность императора Максимилиана подобно согрѣвающему солнцу поднимается надъ горизонтомъ нѣмецкой жизни и даетъ послѣдній толчокъ національному движенію средневѣковой литературы. Будучи самъ писателемъ, всесторонне образованнымъ, въ высшей степени привѣтливымъ человекомъ, неутомимымъ труженикомъ, онъ поощрялъ работы Цельтеса, Пёутингера, Стабіуса, и приказалъ между прочимъ списать цѣлый рядъ превосходныхъ рукописей, передающихъ лучшія произведенія XIII ст. Благодаря лишь его просвѣщенному вниманію въ памятникамъ старой національной литературы, до нашего времени сохранились единственныя рукописи Кудруны и Битерольфа. Но изъ всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ ни одна не передана до нашего времени въ такомъ количествѣ рукописей, какъ пѣсня о Нибелунгахъ, дошедшая до насъ во многихъ и очень хорошихъ спискахъ. Тѣмъ непонятнѣе кажется, что она не попала въ печать, хотя списывалась еще въ XVI столѣтіи. Именно Амбрасская рукопись, обозначаемая теперь *d*, написана по приказанію императора Максимилиана I, настоящаго представителя средневѣковыхъ традицій и заслужившаго въ литературѣ почетное имя „послѣдняго рыцаря“.

Мы позволимъ себѣ привести въ переводѣ сообщенное фонъ-деръ-Гагеномъ ¹⁾ распоряженіе императора, данное въ 1502 года Вильгельму Секльмейстеру по поводу его писца. „Любезный вѣрно-подданный, Мы приказали нашему любезному вѣрноподданному Паульсену Лихтенштейну списать для насъ „Heldenbuch an der Etsch“, почему онъ будетъ имѣть надобность въ твоёмъ писцѣ. Мы привязываемъ тебѣ немедленно этому Лихтенштейну послать своего писца туда на Эчъ для списыванія „Heldenbuch“ тамъ,

¹⁾ Germania, I, стр. 266 (1836).

на мѣстѣ; нашъ маршалъ будетъ доставлять туда пищу и все необходимое, а ты исполни нашу волю.“

Приказаніе Императора было исполнено въ точности, рукопись была списана, а въ 1517 году украшена была художникомъ. Послѣдовавшая затѣмъ реформація со своими религіозными и социальными интересами, со своей обострившейся злобой дня отодвинула на задній планъ поэзію героическую. Лишь изрѣдка въ теченіе XVI и XVII столѣтій попадаются слѣды поэмы о Нибелунгахъ въ фоліантахъ историковъ.

Такъ ученый изслѣдователь, *Каспаръ Врунгъ* (1518—1559), писалъ исторію епископства Пассаускаго и съ этой цѣлью жилъ одно время у тамошняго епископа. Резиденція послѣдняго, первоначально находившаяся въ Лорхѣ, теперь совпадала именно съ бывшимъ мѣстопробываніемъ епископа Пильгерина (*Pilgerin*), апостола Венгріи, умершаго въ 991 году. Пильгеринъ по свойственному эпической поэзіи анахронизму связанъ съ событіями пѣсни о Нибелунгахъ, выступая тамъ въ качествѣ брата хатери Кримгильды. Такимъ образомъ имя его подало поводъ историку вспомнить о самой пѣснѣ, которую тогдашніе ученые считали историческимъ источникомъ и иногда почерпали оттуда данныя для своихъ сочиненій.

Въ то же самое время другой ученый, *Вольфгангъ Лаццусъ* (1504—1560), вѣнскій изслѣдователь древностей, въ своемъ сочиненіи „*De gentium aliquot migrationibus etc.*“, посвященномъ изысканію о древнемъ періодѣ жизни сѣверныхъ, по преимуществу, германскихъ народовъ, приводитъ нѣсколько строфъ пѣсни о Нибелунгахъ тоже въ полной увѣренности, что пользуется настоящимъ историческимъ памятникомъ. Для своей книги онъ заимствовалъ изъ пѣсни описаніе вооруженій, какъ ему казалось, годовъ V ст., далѣе исторію Атилы и Теодориха, въ особенности описаніе войны послѣдняго съ гуннами. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ, что заимствованныя свѣдѣнія находятся „*in aliquo annalium libro hi vernaculi rhythmi leguntur*“ (стр. 353 Базельскаго изд. 1577); въ другомъ — „*codice pervetusto annalium*“ (стр. 680); въ третьемъ — „*historiarum rhythmici contextu*“ (стр. 682). Рукопись, которой онъ пользовался, не сохранилась.

Извѣстный швейцарскій историкъ *Эндиусъ Чуди* (1505—1572) также читалъ пѣсню о Нибелунгахъ, полагая, что это историческій источникъ. Ему была извѣстна такъ называемая Санъ-Галленская рук., теперь *B.* которая еще до сихъ поръ сохранила слѣды его усердныхъ занятій.

Въ 1576 г. *Вуллеусъ Гундъ*, тоже историкъ (ум. 1600 г.), подарилъ герцогу баварскому, Альбрехту, рукопись пѣсни, которую онъ нашелъ въ замкѣ Прюнь на Альтмюль. Теперь она называется Прюнь-Мюнхенской и обозначается чрезъ *D.*

Наконецъ *Мартинъ Опитцъ* (1597—1639) зналъ о существованіи пѣсни, хотя не читалъ ее: въ своемъ изданіи пѣсни о св. Ганнонѣ, архіепископѣ Кёльнскомъ (ум. 1075), напечатанномъ въ Данцигѣ, онъ сообщаетъ нѣсколько строфъ поэмы, заимствованныхъ у Лаціуса.

Затѣмъ пѣснь о Нибелунгахъ совершенно теряется въ неизвѣстности, въ теченіе почти двухъ столѣтій не встрѣчается даже намека объ ея существованіи. Во все это время господствующая нѣмецкая мысль находилась подъ безусловнымъ давленіемъ новыхъ требованій жизни и чуждой литературы. Наука занималась вопросами, мало имѣвшими отношенія къ жизни народной. Преобладающимъ мотивомъ для занятія исторіей и древними памятниками служили интересы религіозные. Изъ этого побужденія и вышли первыя изданія старыхъ литературныхъ произведеній, какъ напр. пѣсни о св. Ганнонѣ *Мартина Опитца*. Кромѣ этого памятника прошлой дѣятельности нѣмецкой народной мысли въ 1571 году въ первый разъ печатается произведеніе *Отфрида* „Евангельская книга“, памятникъ IX столѣтія. Интересно замѣтить, что издателемъ въ этомъ случаѣ былъ Аугсбургскій врачъ подобно тому, какъ двумя годами раньше Кёльнскій врачъ издалъ готскій переводъ молитвы „Отче нашъ“. Изданію книги *Отфрида* покровительствовалъ послѣдователь строгаго лютеранства, горячій противникъ Меланхтона, *Матіасъ Флаціусъ*. Онъ думалъ въ произведеніи *Отфрида* найти доказательства правоты лютеранскаго ученія.

Эти случайныя изданія начинаютъ собою ту непрерывную цѣпь воскрешенія памятниковъ отжившей литературы, которая

современемъ приведетъ ученыхъ къ разысканію рукописей совершенно забытой поэзіи миннезенгеровъ, а въ томъ числѣ и поэмы о Нибелунгахъ. Поэтому для насъ будетъ небезынтереснымъ бросить бѣглый взглядъ на эту дѣятельность.

Въ началѣ XVII столѣтія замѣтны уже усилія настоящихъ историковъ, вытекающія изъ побужденій чисто научныхъ, направленные не только къ знакомству со свѣтскими произведеніями старой литературы, но также и къ ихъ изданію. Такой склонностью отличались особенно *Мельхиоръ Гольдистъ*, *Маркардъ Фрегеръ* и на ряду съ ними іезуитъ *Броверъ*, историкъ Фульды и Трира. Но ужасы тридцатилѣтней войны своими тяжелыми послѣдствіями прерываютъ эту дѣятельность: никто не рѣшается при всеобщемъ объединѣніи затратить капиталъ на изданіе памятника, такъ что лишь нѣкоторыя изъ работъ Фрегера были напечатаны въ Вормсѣ. Однако уже въ шестидесятихъ годахъ того же столѣтія издательская дѣятельность замѣтно оживляется и раньше другихъ мы отмѣтимъ изданіе готскаго перевода библіи, исполненное *Францемъ Юніусомъ*. Французъ по происхожденію, нѣмецъ по воспитанію, онъ уже въ преклонныхъ годахъ съ юношескимъ жаромъ посвятилъ себя изученію сперва англо-саксонскаго языка, затѣмъ фризскаго и древнѣмецкаго, наконецъ готскаго. Онъ велъ свои занятія съ удивительной энергіей, собралъ массу научныхъ свѣдѣній и въ 1665 году издалъ въ свѣтъ готскую библію, переводъ Ульфилы IV столѣтія.

Затѣмъ цѣлые десятки лѣтъ продолжается затишье. Минувя незначительныя работы литургиковъ и теологовъ, можно сказать, что до конца XVIII ст. не проявляется еще научнаго интереса къ литературнымъ произведеніямъ нѣмецкаго прошлаго. Господствующій характеръ теологическихъ мудрствованій вращался въ колесѣ всевозможной путаницы и не выходилъ за предѣлы церковныхъ интересовъ. Изъ круга издателей, комментаторовъ, составителей словарей выдвигается лишь одинъ *Эккартъ*, занимавшійся мѣталоогическими изслѣдованіями: его работы имѣли важное значеніе, давая науцѣ иное направленіе и новое содержаніе. При всемъ томъ лишь въ концѣ XVIII ст. начинается новый періодъ для жизни средневѣковой нѣмецкой литературы, когда произведенія

времени Гогенштауфеновъ приобрѣтають свое прежнее значеніе. Нѣмецкій азыческій періодъ и германцы Тацита привлекають вниманіе ученыхъ, а старыя скандинавско-исландскія героическія пѣсни со своимъ мифологическимъ характеромъ выходятъ на встрѣчу нѣмецкимъ древностямъ, затѣмъ нѣсколько позднѣе и *Гансъ Саксъ* (ум. 1576 г.), и прочая литература реформаціоннаго періода входятъ въ кругъ ученыхъ занятій и все это охватывается понятіемъ того времени, какъ древне-нѣмецкое.

Для насъ чрезвычайно интересно прослѣдить, какимъ путемъ произошла эта реставрація всего стараго, всего отжившаго, повидимому, неимѣвшего ни малѣйшаго отношенія къ современности. Поэтому мы теперь и постараемся прослѣдить, какъ идея воскресить прошлое, зародившись въ головѣ одного человѣка, охватила все мыслящее нѣмецкое общество.

2. Открытіе пѣсни о Нибелунгахъ.

Въ прелестной долинѣ верхняго Рейна, тамъ гдѣ онъ быстро катитъ свои мутныя волны въ Боленское озеро, на спускахъ скалистыхъ горъ стоятъ два древнихъ замка. Свое начало ведутъ они изъ глубины среднихъ вѣковъ и называются *Гоген-Эмсами*. Долина, надъ которой они господствуютъ, принадлежала старой римской провинціи Ретіи, соединившей затѣмъ культуру классическую съ преданіями остготовъ, занявшихъ эти мѣста. Расположившійся вблизи монастырь св. Галла сдѣлался очагомъ духовнаго просвѣщенія, колыбелью искусствъ и наукъ. Близкое соудство богатой культуры Италіи вносило благотворное вліяніе въ мракъ средневѣковой мѣстной нѣмецкой жизни.

Съ своихъ высотъ замки господствовали надъ веселой, богатой долиной Рейна и смѣло смотрѣли по ту сторону рѣки на сумрачныя вершины горъ. На этихъ высотахъ поселилась фамилія Гогенъ-Эмсовъ, возведенная въ XIV ст. въ графское достоинство. Многіе изъ ея представителей служили въ войскахъ Гогенштауфеновъ и принимали участіе въ италіянскихъ походахъ. Одинъ изъ нихъ, долго сражавшійся въ Италіи, соединялъ до-

блести рыцаря съ дарованіями поэта. Любовь къ литературѣ должна была, конечно, сказаться въ пристрастіи къ старымъ національнымъ поэмамъ, языкъ которыхъ болѣе доступенъ для жителей горной Швейцаріи, сохранившихъ въ своихъ понятіяхъ, обычаяхъ, нравахъ и говорѣ больше чертъ древности, чѣмъ другія мѣста Германіи. Въ старыхъ наслѣдственныхъ архивахъ обладателей замковъ Гогенъ-Эмсовъ и затѣрялись рукописи о Нибелунгахъ, послѣ того какъ рыцарство начало терять свое первоначальное значеніе, когда поэтическое творчество пошло другимъ путемъ развитія, когда старый языкъ потерялъ свою прежнюю прелесть и удобопонятность. Подъ защитой неприступныхъ горъ, охраняемыхъ мрачными стѣнами замка, рукописи покоились здѣсь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ до половины XVIII ст.¹⁾

Попытки изданія древнихъ памятниковъ мы видѣли уже въ XVII ст., но это были явленія случайныя, не имѣвшія значительныхъ послѣдствій. Рѣшительный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ связанъ съ именемъ *Іоанна Якова Бодмера*, профессора швейцарской исторіи въ Цюрихѣ. Историческія занятія навели его на слѣдъ старыхъ литературныхъ произведеній, намеки на которыя, какъ мы видѣли, встрѣчаются изрѣдка у его предшественниковъ.

Бодмеръ, какъ историкъ и въ тоже время поэтъ, хотя и бездарный, долженъ былъ глубже интересоваться подобными памятниками. Швейцарскій діалектъ, удержавшій много чертъ древне-нѣмецкаго языка, облегчилъ ему доступъ къ нимъ. Его эстетическія воззрѣнія, отличавшіяся отъ господствовавшихъ тогда мнѣній школы лейпцигскаго ученаго, *Готшеда*, не помѣшали ему найти художественную красоту въ произведеніяхъ, не входившихъ въ кругъ сочиненій, одобренныхъ тогдашней педантической эстетикой. Онъ былъ поклонникомъ Мильтона, Аріоста и Тассо и въ тоже время находилъ особую наивную прелесть въ пѣсняхъ средневѣковыхъ миннезенгеровъ, какъ онъ вообще называлъ старыхъ лириковъ. Помимо историческихъ и эстетическихъ побужденій Бодмеръ, повидимому, интересовался сред-

¹⁾ *A. Schott, Geschichte des Nibelungenliedes. Deutsche Vierteljahrsschrift 1843, II, 174—242.*

невѣковой лирикой еще потому, что она совпадала своимъ характеромъ съ современнымъ ему направленіемъ въ лирикѣ, которая въ лицѣ *Галедорна* (1708—1754), *Глейма* (1719—1803), *Михаэлиса* (1746—1772), пастора *Лангэ* и его друзей¹⁾ нашла пѣвцовъ природной любви въ свободной, непосредственной формѣ выраженія чувственныхъ ощущеній. Старые лирики были поставлены на ряду съ Горациемъ и Анакреономъ и мало по малу начали привлекать къ себѣ, послѣ изданія Бодмера, всеобщее вниманіе.

Изданіе было начато въ 1748 году по парижской рукописи миннезенгеровъ подъ заглавіемъ „*Proben der altschwäbischen Poesie*“, при чемъ вышла въ свѣтъ и часть басенъ *Бонерія* (1324—1349). Однако это изданіе не возбудило особеннаго вниманія въ обществѣ. Преслѣдуя другія цѣли, раздѣляя инныя симпатіи, руководители общественнаго мнѣнія остались равнодушными къ появленію въ печати миннезенгеровъ. Лишь одинъ совершенно неизвѣстный студентъ медицины берлинскаго университета, по имени *Яковъ Германъ Оберейтъ*, отозвался на это изданіе Бодмера. Онъ написалъ издателю стихотворное посланіе въ формѣ убійственнаго гекзаметра, заявляя о своемъ сочувствіи старымъ нѣмецкимъ литераторамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ этотъ Оберейтъ къ качествѣ практическаго врача попалъ въ Линдау на берегу Боденскаго озера. Здѣсь общіе интересы сблизили его съ Бодмеромъ, пріѣзжавшимъ изъ Цюриха почти ежегодно во время лѣтнихъ каникулъ подышать свѣжимъ воздухомъ прохладныхъ, тѣнистыхъ горъ, окружавшихъ живописный Трогенъ. Всѣ эти мѣста расположены вблизи знаменитаго замка Гогенъ-Эмса и богатаго древностями Санъ-Галленскаго монастыря. Бодмеръ давно уже искалъ рукопись о Нибелунгахъ въ архивѣ замка Гогенъ-Эмса при посредствѣ друга своего, тоже врача, *Цельмгера* изъ Трогена; но всѣ усилія оказывались безплодными. Наконецъ, 29 іюля 1755 года Бодмеръ получилъ письмо Оберейта, сообщавшаго о своей счастливой находкѣ. Въ Архивѣ замка Гогенъ-

¹⁾ *H. Kurz*, Geschichte d. deutschen Literatur, 1865, т. II, стр. 456.

Эмса, куда онъ получилъ доступъ, почти сразу попались ему въ руки два паргаменныхъ списка, одинъ пѣсни о Нибелунгахъ, другой Иосафата. Такимъ образомъ настоящимъ разыскателемъ пѣсни о Нибелунгахъ слѣдуетъ считать практическаго врача города Линдау, *Якова Германа Оберейта* ¹⁾.

Когда такимъ образомъ существованіе рукописи въ замѣѣ Гогенъ-Эмсѣ было удостовѣрено Оберейтомъ, Бодмеру оставалось лишь получить ее для снятія копій, а черезъ два года послѣдовало самое изданіе пѣсни о Нибелунгахъ, но подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ. Вслѣдъ за пѣсней были изданы Парсиваль Вольфрама фонъ-Эшенбаха, Энеида Генриха фонъ-Вельдеке, Троянская война Конрада Вюрцбургскаго и Итальянскій гость Томазини. Важнѣйшія и большія по объему изданія были совершены между 1757—1759 г., какъ Бонерій, пѣснь о Нибелунгахъ и миннезенгеры.

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ нить, приведшую ученую мысль къ занятію старой нѣмецкой литературой, дойдя до открытія произведенія, ближе другихъ насъ интересующаго, мы воздержимся отъ дальнѣйшаго слѣдованія по пути открытія другихъ средневѣковыхъ памятниковъ и позволимъ себѣ подробнѣе разсмотрѣть, какъ исполнено было самое изданіе рукописи, содержащей поэму о Нибелунгахъ, и какія послѣдствія сопровождали появленіе въ свѣтъ этого „самаго совершеннаго представителя средневѣковой поэзіи“, говоря словами Бодмера.

3. Первые издатели пѣсни о Нибелунгахъ.

Снявъ копию съ Гогенъ-Эмской рукописи, теперь обозначаемою черезъ *C*, Бодмеръ издалъ въ 1757 году въ Цюрихѣ ²⁾, лишь вторую часть поэмы, оправдывая этотъ поступокъ такими словами: „первую половину“, говоритъ онъ, „я выпустилъ и думаю съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ Гомеръ оставилъ безъ вниманія похищеніе Елены, жертвоприношеніе Ифигеніи и всѣ событія

¹⁾ *Johannes Crueger, Der Entdecker der Nibelungen. 1883, Frankfurt a/M. 47.*

²⁾ *Chriemhilden Rache und die Klage; zwey Heldengedichte aus dem schwäebischen Zeitpunkte. Zürich, 1757. (XVI, 286+64).*

тѣхъ десяти лѣтъ, которые протекли до ссоры Ахилла съ Агамемнономъ“ (стр. VII). Повидимому, Бодмеръ не былъ доволенъ первой частью поэмы за то, что въ ней элементъ чудеснаго, невѣроятнаго занимаетъ видное мѣсто. По крайней мѣрѣ онъ говоритъ о „дѣтской наклонности къ преувеличенію и ложной вѣрѣ въ чудесное“ (стр. VII). Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень высокаго мнѣнія и о poemѣ во всемъ ея объемѣ. Онъ не находитъ основанія предполагать, что когда либо она появится въ печати въ цѣломъ своемъ видѣ, да и вообще, по его мнѣнію, для славы нѣмецкаго прошлаго больше будетъ сдѣлано, если не все, скрытое еще въ пыли, будетъ вызвано къ свѣту. Поэтому при изданіи старыхъ памятниконъ онъ считаетъ необходимымъ руководиться строго обдуманнѣмъ выборомъ (стр. X).

Что же касается второй части поэмы, той, которую онъ издалъ, то объ ней онъ отзывается такъ: „она явилась продуктомъ не искусства поэта, знакомаго съ правилами объ единствѣ дѣйствія и цѣльности содержанія, но лишь его инстинкта или генія“; въ мести же Кримгильды онъ находитъ широко и послѣдовательно развивающееся дѣйствіе (V).

Соглашаясь съ мнѣніемъ Бодмера, В. Гриммъ ¹⁾ также замѣчаетъ, что дѣйствіе собственно начинается лишь съ умерщвленія Зигфрида; все предшествующее служитъ только введеніемъ. Отсутствіе связи между первой и второй половиной poemѣ чувствовалось такимъ образомъ съ перваго уже появленія пѣсни въ печати. Позднѣе вникнулъ въ это явленіе глубже другихъ Лахманъ и, исходя изъ предвзятаго теоретическаго взгляда на эпическое творчество, высказался противъ единоличнаго созданія поэмы. Бодмеръ же, прочитавъ въ концѣ Плача имя писца Конрада, полагалъ, что авторомъ поэмы о Нибелунгахъ былъ не кто иной, какъ Конрадъ Вюрцбургскій.

Это и было первое гадательное предположеніе объ авторѣ поэмы.

Изданіе Бодмера однако не обратило на себя никакаго вниманія и не произвело поворота въ изученіи нѣмецкихъ древ-

¹⁾ *W. Grimm, Die deutsche Heldensage. Göttingen 1829, стр. 63.*

ностей. Призывный голосъ, возбудившій общее вниманіе къ произведеніямъ безыскусственного народнаго творчества, хотя и ложно понимаемаго, вышелъ изъ среды поклонниковъ такъ называемой природной поэзіи (*Naturpoesie*), считавшихъ истинными представителями послѣдней средневѣковыхъ миннезенгеровъ, изданныхъ, какъ мы видѣли, впервые Бодмеромъ. Эпосъ пока оставался еще въ тѣни.

Между прочимъ возроставшій съ каждымъ годомъ интересъ къ старымъ нѣмецкимъ лирикамъ коснулся и *Лессинга*, хотя довольно поверхностно. Въ 1758 году онъ пишетъ предисловіе къ прусскимъ военнымъ пѣснямъ *Глейма* и въ качествѣ матеріала для него собираетъ всевозможныя старыя нѣмецкія боевыя и солдатскія пѣсни. При этомъ онъ читалъ и старую Книгу героевъ (*Heldenbuch*) и она навела его на мысль о Нибелунгахъ, только что передъ тѣмъ появившихся въ печати. Изъ нихъ онъ слѣлалъ извлеченія, долженствовавшія служить доказательствомъ прошлой доблести нѣмецкаго народа. При этомъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что господа швейцарцы, т. е. Бодмеръ и его пріатели, какъ Брейтингеръ, не обладаютъ надлежащимъ знаніемъ для изданія такихъ грандіозныхъ памятниковъ стараго языка и искусства. Его же собственныя занятія древней литературой дали ему возможность сравнить Глейма съ бардами, которыхъ онъ считалъ, какъ вообще тогда думали, за старыхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ, пѣсни которыхъ велѣлъ уже записывать Карлъ Великій.

Средневѣковой лирикой Лессингу пришлось заняться нѣскольکو обстоятельнѣй, что вытекало изъ потребностей его литературныхъ и поэтическихъ трудовъ, но пѣснѣ о Нибелунгахъ особаго вниманія онъ не оказалъ. Это вполне естественно вытекало изъ его взгляда на эпосъ, высшимъ проявленіемъ котораго по его мнѣнію были Гомеровскія поэмы. Авторъ Лаокоона, весь проникнутый чувствомъ безпредѣльнаго уваженія къ героямъ классической древности, не могъ остановиться надолго на произведеніи варварской эпохи своего народа. Только благодаря странному недоразумѣнію, именно вслѣдствіе ложнаго представленія о сущности поэзіи миннезенгеровъ, тогдашніе литератур-

ные дѣятели, съ *Клопштокомъ* во главѣ ¹⁾, обратились къ изученію средневѣковой лирики, гдѣ они надѣялись найти настоящихъ пѣвцовъ природной поэзіи. Это былъ, по словамъ В. Шерера ²⁾, революціонный періодъ нѣмецкой литературы, полетъ юности, проявленіе блестящаго воодушевленія и твердаго мужества. Цѣлый рядъ даровитѣйшихъ людей въ лучшемъ періодѣ жизни, исполненныхъ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій, выступалъ тогда на поприще литературной и ученой дѣятельности. Ихъ идеалами были Шекспиръ, Мильтонъ, Оссіанъ, народныя пѣсни и Гансъ-Сагсъ. Имъ надобѣли желѣзные тиски мертвой эстетики Готшета и его школы, стѣснявшіе свободный порывъ мысли, чувства, воодушевленія: ихъ влекло къ себѣ все свѣжее, молодое, непосредственно вытекающее изъ души, какъ свободная импровизація, какъ чистая поэзія. Теоретикомъ этого знаменательнаго періода нѣмецкой литературы былъ *Юганъ Готфридъ Гердеръ* ³⁾ (1744—1803), сынъ бѣднаго школьнаго учителя восточной Пруссіи. Сперва изучалъ онъ хирургію, затѣмъ обратился къ философіи и теологіи, которыми занимался подъ руководствомъ *Канта* и *Гаманна*. По окончаніи наукъ сдѣлался учителемъ въ Ригѣ, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность, потомъ путешествовалъ во Франціи и въ Италіи и, наконецъ окончательно поселился въ Веймарѣ. Основной чертой литературной дѣятельности Гердера слѣдуетъ считать его универсальность: его духъ и фантазія, его сердце и мысль охватывали все существующее; онъ искалъ и любилъ прекрасное во всѣхъ формахъ и видахъ проявленія жизни, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ, во всѣхъ искусствахъ и наукахъ; вся его жизнь была пронизана идеями и знаніемъ. При такомъ широкомъ взглядѣ на жизнь и на науку произведенія его отличались отрывочностью и неполнотою; но вліяніе ихъ на современное ему поколѣніе было безусловнымъ и полнымъ.

¹⁾ *Julian Schmidt*, Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessing's Tod, 1681—1781. Leipz. 1862, I, стр. 572 и слѣд., II, стр. 306 и слѣд.

²⁾ W. Scherer, Jacob Grimm. 1865, Berlin

³⁾ *Р. Гаймъ*, Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Москва, 1888.

Языкъ и поэзія по мнѣнію Гердера, развивавшаго геніальныя замѣчанія Гаманна и научныя указанія англійскаго ученаго Блэкьюэлла, слиты вмѣстѣ. Языкъ не есть лишь орудіе мысли, но также хранилище и содержаніе литературы. Каждый языкъ представляется состоящимъ изъ мыслей, какъ бы отвердѣвшихъ, достигшихъ пластической формы, сдѣлавшихся доступными вѣшнымъ чувствамъ; это необозримая сокровищница понятій. Цѣлые ряды поколѣній вложили сюда свои идеи. Языкъ жилъ, развивался, проходилъ черезъ разные возрасты.

Первымъ, дѣтскимъ періодомъ жизни языка было время, когда человѣкъ не говорилъ, но издавалъ лишь звуки. Второй, юношескій возрастъ языка совпадаетъ съ тѣмъ состояніемъ чловека, когда *говорить* означало *пѣть*: это и есть настоящій, безсознательный періодъ природной поэзіи, которую хотѣли видѣть въ произведеніяхъ средневѣковыхъ миннезенгеровъ. Третьей стадіей развитія языка, состояніемъ его возмужалости былъ разцвѣтъ прекрасной прозы, когда поэзія превращается уже въ искусство и постепенно удаляется отъ природы. Наконецъ, четвертый, старческій періодъ жизни языка наступаетъ въ то время, когда правильность замѣняетъ собою красоту, когда философія вытѣсняетъ поэзію ¹⁾.

Изъ этого различенія періодовъ жизни языка само собою вытекаетъ противоположность природной поэзіи и искусственной. Идеальнымъ представителемъ первой былъ Гомеръ, но онъ одинъ, онъ недостижимъ. Можетъ быть и нѣмецкій народъ произвелъ бы своего Гомера, еслибы, говоритъ Гердеръ, пѣсни бардовъ и друидовъ, настоящихъ пѣвцовъ природы, не были потеряны. Около этого времени, въ 1768 году, появился первый томъ *Ossiana* въ переводѣ Дениса. Поющая природа въ пѣсняхъ Оссіана привлекла вниманіе Гердера, принявшаго поддѣльныя пѣсни Макферсона за настоящія народныя. Въ прекрасныхъ письмахъ объ Оссіанѣ, гдѣ онъ говоритъ вообще о народныхъ пѣсняхъ древнихъ народовъ, гдѣ онъ сравниваетъ кельтскихъ бардовъ съ Шекспиромъ и Клопштокомъ и ставитъ ихъ на ряду съ Гомеромъ,

¹⁾ Гаймъ, *Op. cit.*, I, стр. 161 и слѣд.

Моисеемъ и Іовомъ, касається онъ также пѣсенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и слѣдитъ за безсознательнымъ проявленіемъ „духа природы“. Это былъ страстный, воодушевленный диэирамбъ всему тому, что, какъ казалось Гердеру, непосредственно вылилось изъ души народа того періода жизни, когда человѣкъ безсознательно производилъ высшіе продукты поэзіи ¹⁾).

Подъ вліяніемъ такого безусловнаго поклоненія безыскусственной поэзіи, народныя пѣсни заняли теперь существенное мѣсто въ отдѣлѣ нѣмецкой филологіи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Сборнымъ пунктомъ для работъ по этой отрасли знанія началъ служить журналъ „*Deutsches Museum*“, основанный въ 1776 году. Здѣсь еще разъ раздался голосъ Гердера въ защиту народной поэзіи. „Великое государство, говоритъ онъ, государство вмѣщающее десять народовъ, Германія! у тебя нѣтъ Шекспира, у тебя нѣтъ также никакихъ пѣсенъ твоихъ предковъ, которыми мы могли бы похвалиться, никакихъ выраженій твоей души отъ прошлаго времени. Нѣтъ сомнѣнія, онѣ были, онѣ, быть можетъ, еще существуютъ, но лежатъ лишь въ пыли, онѣ непризнаны, онѣ презираются“ ²⁾). Эти мысли были высказаны двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія пѣсни о Нибелунгахъ, исполненнаго Бодмеромъ; въ такой значительный промежутокъ времени никто еще не обратилъ серьезнаго вниманія на такой замѣчательный памятникъ національной литературы. Такъ медленно росла слава народнаго эпоса.

Гердера можно назвать единственнымъ тогда человѣкомъ, охватывавшимъ всю область нѣмецкой филологіи во всемъ ея объемѣ. Онъ понималъ ея задачи и такъ сказать начерталъ планъ ея дальнѣйшаго развитія, а исполнители явились послѣ. Но если его дѣятельность подготовила собой періодъ романтизма и оказала прямое воздѣйствіе на нѣкоторыя идеи романтиковъ, ²⁾ то этимъ послѣднимъ обязана старая нѣмецкая литература, а въ томъ числѣ и народная поэзія, и пѣснь о Нибелунгахъ, тѣмъ

¹⁾ Гаймъ, Op. cit., I, 482, 504.

²⁾ W. Scherer, Jacob Grimm, стр. 26.

³⁾ Гаймъ, Op. cit. I, стр. 772.

восторженнымъ приѣмомъ, какой достался имъ на долю въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII ст.; но сами романтики начали увлекаться поэмой о Нибелунгахъ лишь послѣ того, какъ имъ данъ былъ первый толчокъ въ этомъ направленіи со стороны скромнаго труженика, учителя гимназіи, который, быть можетъ, одинъ лишь сохранялъ тогда традиціи Бодмера. Дѣло въ томъ, что изданіе пѣсни о Нибелунгахъ, исполненное Бодмеромъ, не привлекало къ себѣ общественнаго вниманія и руководители общественнаго мнѣнія прошли мимо него. Лишь въ 1780 годѣ, когда въ журналѣ „*Deutsches Museum*“ появилось письмо *Христофа Генриха Миллера*, учителя Іоахимтальской гимназіи въ Берлинѣ, въ которомъ онъ приглашалъ общество устроить подписку для выполнения новаго изданія пѣсни, то на его призывъ откликнулись во всѣхъ слояхъ общества: подписчиками оказались люди, высоко поставленные на ряду съ мелкими чиновниками, профессора вмѣстѣ со студентами. Это въ нѣкоторомъ родѣ акціонерное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: появилось въ 1782 году *второе* изданіе поэмы о Нибелунгахъ ¹⁾, принадлежащее *Х. Г. Миллеру*. Въ этомъ второмъ изданіи поэма напечатана въ полномъ своемъ видѣ, между тѣмъ какъ Бодмеръ издалъ лишь вторую половину пѣсни. Миллеръ помѣстилъ поэму въ первомъ томѣ своего „*собранія*“ ²⁾ *нѣмецкихъ стихотвореній изъ XII — XIV ст.*“, куда вошли кромѣ Нибелунговъ также Энеида Вельдеке, Парсиваль Вольфрама и нѣсколько небольшихъ стихотвореній. Во второмъ томѣ, появившемся въ 1785 г., находятся Тристанъ Готфрида, Ивейнъ Гартмана, Флоръ и Бланшефлоръ Конрада Флекка и еще 27 другихъ стихотвореній различнаго объема. Третій томъ остался неоконченнымъ и сообщаетъ лишь отрывки Троянской войны Конрада Вюрцбургскаго.

Какъ уроженецъ города Цюриха, Миллеръ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Бодмеру и получилъ отъ него или чрезъ

¹⁾ Der Nibelungen Liet, ein Rittergedicht aus dem XIII oder XIV Jahrhundert. Zum ersten Male aus der Handschrift ganz abgedruckt. 1782.

²⁾ C. H. Myller, Sammlung deutscher Gedichte aus dem XII—XIV Jahrhundert. Berlin 1784.

его посредство Гогенъ-Эмсскую рукопись, но уже не ту, по которой сдѣлалъ свое изданіе Бодмеръ, а другую, теперь называемую Гогенэмсъ-Мюнхенской и обозначаемую черезъ А. Призванный затѣмъ занять мѣсто учителя въ Іоахимтальской гимназій въ Берлинѣ, Миллеръ перенесъ туда и интересъ къ прошлой литературѣ нѣмецкаго народа, такъ что съ тѣхъ поръ столица Пруссіи дѣлается центромъ новаго литературнаго движенія.

Въ этомъ Миллеровскомъ изданіи поэма о Нибелунгахъ получила свой полный видъ довольно страннымъ образомъ: недостающая первая часть поэмы въ Бодмеровскомъ изданіи была пополнена Миллеромъ по рук. А, между тѣмъ какъ вторая — была цѣликомъ повторена, не смотря на то, что заимствована Бодмеромъ изъ другой рук., именно С. При всемъ этомъ издатель въ предисловіи не упомянулъ объ этомъ фактѣ, а напротивъ заявилъ, что вся поэма заимствована изъ одного стараго пергаменнаго кодекса.

Помимо упомянутаго смѣшенія двухъ, совершенно различныхъ текстовъ, изданіе Миллера страдало множествомъ ошибокъ, указанныхъ въ рецензій *Юганнеса Мюллера* ¹⁾. Не смотря однако на свои недостатки съ научной стороны, появленіе пѣсни о Нибелунгахъ въ ея полномъ видѣ, въ моментъ, далеко не благопріятствовавшій подобнаго рода предпріятію, дѣлаетъ большую честь скромному труженику на тернистомъ пути возсозданія отжившей литературы.

Свое изданіе Х. Г. Миллеръ посвятилъ королю прусскому, Фридриху II, на благосклонное вниманіе котораго онъ, конечно, могъ надѣяться, такъ какъ тотъ самъ занимался литературой и писалъ стихи, хотя и на французскомъ языкѣ. Чрезвычайно характеренъ для той эпохи отвѣтъ Фридриха II, сохраняющійся въ настоящее время въ Цюрихѣ въ рамѣхъ подъ стекломъ въ городской библіотекѣ, такъ что каждый можетъ прочесть его. Онъ настолько интересенъ, что я позволю себѣ цѣликомъ привести его въ переводѣ, какъ прямо противоположный приказанію

¹⁾ *Joh. von Müller, Recension der Myller'schen Ausgabe des N. L., въ Gött. Gel. Anz. 1783 г. Nr. 36.*

Максимилиана I, данному 280 лѣтъ раньше по тому же поводу ¹⁾).

„Hochgelahrter, lieber Getreuer“, пишетъ король Миллеру въ отвѣтъ на присланный ему экземпляръ новоизданной поэмы о Нибелунгахъ, „вы слишкомъ высокаго мнѣнія о тѣхъ стихахъ изъ XIII и XIV ст., которые вы напечатали и считаете способными обогатить нѣмецкій языкъ. По моему мнѣнію они не стоятъ даже одного заряда пороха и не заслуживаютъ того, чтобы ихъ извлекать изъ пыли забвенія. По крайней мѣрѣ въ своей библіотекѣ я не потерпѣлъ бы подобнаго жалкаго произведенія и велѣлъ бы выбросить. Присланный мнѣ экземпляръ можетъ такимъ образомъ ожидать свой участи въ здѣшней большой библіотекѣ. Большого спроса на него обѣщать нельзя. Вашъ милостивый король. Потсдамъ 1784 года.

Такимъ образомъ та новая область, на которую вступала нѣмецкая мысль, та отрасль знанія, которая со временемъ сдѣлается исходной точкой нѣмецкой славы и національнаго могущества, не встрѣтила ласковаго привѣта съ высоты трона отъ чловека, считающагося „величайшимъ изъ нѣмцевъ“.

Шестнадцать лѣтъ спустя Шиллеръ ²⁾ съ горестью и въ то же время съ горделивымъ сознаніемъ своего значенія говоритъ:

Kein augustlich Alter blühte,
Keines Medicäers Güte
Lächelte der deutschen Kunst.
Sie ward nicht gepflegt vom Ruhme,
Sie entfaltete die Blume
Nicht am Strahl der Fürstengunst.

Дѣйствительно, исторія духовнаго развитія нѣмецкаго народа представляетъ собой крайне интересный фактъ: высочій

¹⁾ Fr. Zarncke, Friedrich der Grosse und das Nibelungenlied въ Berichten der kgl. sächs. Gesellsch. d. W. 1870, стр. 203.

²⁾ Schiller, Sämmtliche Werke, Stuttgart 1847. Т. I, стр. 347.

подъемъ этой націи совершился помимо какого бы то ни было вліянія княжескихъ дворовъ или какого либо центрального пункта въ государствѣ. У нѣмцевъ не было Людовика XIV, который поднималъ бы ихъ науку и литературу или собралъ бы представителей національной мысли при своемъ дворѣ; напротивъ того, всѣми успѣхами культуры, образованія, нравственности нѣмцы обязаны лишь себѣ самимъ, своимъ собственнымъ силамъ. Все, что они по справедливости могутъ назвать своимъ, достигнуто ими собственнымъ свободнымъ починомъ при взаимодѣйствіи весьма многихъ единичныхъ силъ, идущихъ со всѣхъ концовъ ихъ общаго отечества ¹⁾. Главную роль въ широкомъ развитіи нѣмецкой культуры играли университеты съ ихъ традиціонной наукой, являвшіеся самостоятельнымъ и могучимъ органомъ обще-государственной жизни: здѣсь источникъ не только просвѣщенія, но и нынѣшняго могущества Германіи. Гордость Шиллера, что въ его отечествѣ не пашлось ни Августа, ни Лоренцо, которые оберегали бы колыбель поэзіи и искусства, совершенно основательна по мнѣнію Маколея ²⁾. Богатый и исполненный жизненной силы языкъ Лютера, вытѣсненный изъ школы латинскимъ, а изъ княжескихъ дворцовъ французскимъ, искалъ убѣжища у народа. Школа раньше пошла на встрѣчу народу, между тѣмъ какъ высшее общество продолжало оставаться въ плѣну у французовъ, пока, наконецъ, позорное положеніе родины въ концѣ XVIII столѣтія заставило его очнуться отъ тяжелаго и продолжительнаго кошмара. О дремлющей въ народномъ языкѣ силѣ Фридрихъ II не имѣлъ никакого понятія, а потому съ пренебреженіемъ относился къ произведеніямъ отечественной литературы. По своему обыкновенію онъ судилъ о родномъ языкѣ и о людяхъ, культивировавшихъ его съ презрѣніемъ невѣжды. Его собственная библіотека состояла исключительно изъ французскихъ книгъ и за его столомъ разговоръ велся только на французскомъ языкѣ.

¹⁾ См. *K. Biedermann, Deutschlands geistige, sittliche und gesellschaftliche Zustände im XVIII Jahrh.* 1858. Т. II. 500.

²⁾ *Macaulay's Kritische und historische Aufsätze*, III: *Friedrich der Grosse*, стр. 48. (Leipzig, Verlag von Reclam).

Собесѣдниками его были по большей части иностранцы. До какой степени сильно было вліяніе французской культуры, можно видѣть нагляднымъ образомъ изъ того, что президентомъ Берлинской Академіи наукъ былъ французскій ученый, Мопертіусъ (Maupertius).

Въ кругу своихъ иноземныхъ гостей Фридрихъ II часто велъ интересныя бесѣды объ исторіи и литературѣ. Но главной темой для разговора служили издѣвательства надъ воображаемыми неліпостями всѣхъ существующихъ религій. Какая грустная противоположность съ глубокимъ уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, такъ поэтично и такъ искренно выраженнымъ Гердеромъ и Лессингомъ! Непомѣрная дерзость, съ какою при такихъ случаяхъ осмѣивались вѣроученія и имена, дорогія для всего христіанства, возбуждали ужасъ даже у лицъ, привывшихъ къ обществу французскихъ и англійскихъ свободомыслящихъ людей. Но при всемъ томъ, истинной свободы и искренней симпатіи нельзя было искать въ этомъ блестящемъ обществѣ. Деспотическій характеръ короля, его черствая, холодная душа, страшное самомнѣніе давали сильно чувствовать себя всѣмъ окружающимъ. Маколей ¹⁾ такъ характеризуетъ положеніе литературныхъ сотрудниковъ Фридриха II: „безъ дальнѣйшаго разсужденія говоримъ мы, что въ то время самый несчастный писатель въ Лондонѣ, спавшій въ какихъ нибудь сѣняхъ, обѣдавшій въ подвалѣ, носившій булавки и застегивавшій рубашку на груди маленькой желѣзной булавкой, былъ гораздо счастливѣе, чѣмъ любой изъ сподвижниковъ мирной жизни Фридриха II.

Теперь для насъ понятно, изъ какихъ источниковъ вылилось то жгучее оскорбленіе, какое досталось въ удѣлъ скромному труженику на поприщѣ сиротливой нѣмецкой филологіи, Христофу Генриху Миллеру. Если припомнимъ при этомъ, что ученое сословіе Германіи, профессоры университетовъ, литераторы всѣхъ направленій, однимъ словомъ все мыслящее общество интересовалось всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ родного языка, родныхъ пре-

¹⁾ Маколей, *Op. cit.*, стр. 54.

даній, то заслуга Миллера, издаваемаго важнѣйшія произведенія средневѣковой нѣмецкой литературы, явится передъ нами въ новомъ освѣщеніи и размѣры ея значительно раздвинутся. Къ счастью для германской филологической науки не всѣ такъ думали, какъ король.

Въ литературѣ почва для принятія народнаго эпоса была подготовлена уже страстной апопеезой народной поэзіи въ статьяхъ Гердера, а слѣдующее за нимъ старшее поколѣніе романтиковъ жаждало новаго содержанія для своихъ произведеній, но не знало еще, гдѣ искать такового. И вотъ огромное значеніе для опредѣленія характера дальнѣйшей дѣятельности старшихъ романтиковъ, особенно на поприщѣ старой нѣмецкой литературы, имѣла рецензія Миллеровскаго изданія пѣсни о Нибелунгахъ, написанная *Іоганнесомъ фонъ-Мюллеромъ*. Онъ былъ землякомъ Бодмера и Христофа Миллера, жилъ около 1781 — 83 года въ Касселѣ, гдѣ и читалъ только что появившееся Миллеровское изданіе вмѣстѣ съ министромъ Шлиффеномъ, помогшимъ своими средствами появленію пѣсни о Нибелунгахъ вторымъ изданіемъ. Съ 1783 г. Іоганнесъ Мюллеръ пишетъ цѣлый рядъ статей о Нибелунгахъ; въ нихъ онъ даетъ очень высокую оцѣнку національному эпосу, обращаетъ вниманіе на историческое значеніе этой превосходной поэмы, разъясняетъ ея значеніе для нѣмецкой націи и заявляетъ, кажется въ первый разъ, что нѣмецкій народъ съ полнымъ правомъ можетъ гордиться ею. Этими своими статьями Іоганнесъ Мюллеръ какъ бы открылъ глаза романтикамъ, высказывавшимъ уже раньше сожалѣніе о томъ, что у нѣмцевъ нѣтъ своего эпоса. Такъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Готфридъ Августъ *Бюрера* (1748—1794), писалъ: „если бы у насъ была большая національная поэма, въ родѣ *Иліады* или *Одиссеи*, то мы сдѣлали бы ее своей настольной книгой“. И вотъ теперь Мюллеръ вышелъ на встрѣчу этому желанію: въ своихъ статьяхъ ¹⁾

¹⁾ *Götting. gelehrte. Anzeig.* 1783: стр. 353; перепечат. затѣмъ въ: *Sammtliche Werke, Theil X, Tübingen* 1811, стр. 45; *der Geschichte Schweizerischer Eidgenossenschaft zweiter Theil, Tübingen* 1815, стр. 214.

онъ сравниваетъ пѣснь о Нибелунгахъ съ Илиадою: „*der Nibelungen Lied könnte die Teutsche Ilias werden*“, говоритъ онъ и затѣмъ проводитъ сравненіе между нѣмецкой и греческой поэмами. Въ нихъ обѣихъ онъ находитъ страсти, подавляющія людей; героевъ, превосходящихъ своимъ величіемъ королей; картины несчастій до такой степени грандіозныя, что никакая человѣческая душа не можетъ остаться равнодушной. Однако онъ считаетъ нужнымъ подвергнуть нѣмецкую поэму обработкѣ и тогда германская нація представитъ блестящее доказательство того, до какой широты можетъ развиваться человѣческая природа и на сѣверѣ.

Слова эти нашли множество приверженцевъ и точка зрѣнія Мюллера сдѣлалась исходной при оцѣнѣ достоинствъ и историческаго значенія пѣсни о Нибелунгахъ, и долго затѣмъ поддерживалась такъ или иначе въ работахъ, посвященныхъ сравненію нѣмецкой поэмы съ Гомеровскими; между такими работами отмѣтимъ труды: *Монэ* (1818), *Венделя* (1821) и *Нуша* (1863). Съ другой же стороны такая преувеличенная оцѣнка національнаго эпоса вызвала и возраженія: пассивное со стороны общества, которому недоступна была прелесть Нибелунговъ въ слѣдствіе трудности языка, активное—со стороны ученыхъ, эстетическій вкусъ которыхъ былъ воспитанъ на строго классическихъ образцахъ. Изъ этихъ послѣднихъ особенно рѣзко высказался противъ равной оцѣнки Нибелунговъ съ Гомеровскими поэмами *Гервинусъ* ¹⁾. Оставляя однако въ сторонѣ эстетическую оцѣнку національной эпопеи со стороны нѣмецкой критики, мы послѣдуемъ теперь за дальнѣйшимъ развитіемъ научной мысли, непосредственно связанной съ появленіемъ въ сферѣ научныхъ изслѣдованій пѣсни о Нибелунгахъ.

Въ своей исторіи Швейцаріи, въ очеркѣ поэзіи миннезенгеровъ Иоганнесъ Мюллеръ назвалъ пѣснь о Нибелунгахъ старѣйшей, величайшей, оригинальнѣйшей героической поэмой нѣмец-

¹⁾ *G. Gervinus, Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Deutschen. Leipzig 1840², I, стр. 371.*

кой націи; ее по справедливости можно считать нѣмецкой Иліадой ¹⁾. Въ этомъ же очеркѣ онъ высказалъ свой взглядъ и на происхожденіе поэмы, взглядъ, имѣющій для насъ извѣстный интересъ, такъ какъ подобную же теорію мы встрѣтимъ затѣмъ у позднѣйшихъ изслѣдователей. По его мнѣнію пѣснь подвергалась тройной обработкѣ: въ первый разъ она была создана на древне-нѣмецкомъ нарѣчїи и въ этой своей формѣ перешла къ сосѣднимъ народамъ, къ жителямъ сѣверо-скандинавскихъ странъ; во второй разъ она была обработана наверхне-нѣмецкомъ нарѣчїи около второй половины X ст., въ то время, когда борьба съ новыми гуннами, венграми, пробудила во всей силѣ чувство національнаго самосознанія; въ третій разъ пѣснь была передѣлана, собственно переведена со второй обработки въ XII столѣтіи.

Статьи Іоганнеса Мюллера, исполненныя глубокаго увлеченія поэмой, произвели впечатлѣніе. *Граммбергъ* помѣстилъ въ „*Deutsches Museum*“ (1783 г.) хорошій и вѣрный переводъ послѣдней авентюры и изложеніе содержанія пѣсни о Нибелунгахъ. Общее вниманіе литераторовъ и ученыхъ отвлекается теперь мало-по-малу отъ старой лирики и переходитъ на сторону эпоса. Такъ мысль о переводѣ на новый нѣмецкій языкъ старой эпической поэмы занимаетъ *Тука*, фонъ-деръ-*Гагена*, *Нимейера*, *Гегевитша*, *Гинсберга* и *Ботэ*. Сверхъ того и ученая нѣмецкая мысль начинаетъ также работать надъ изученіемъ древностей своего народа, привнося элементъ филологическій, въ силу чего возникаетъ новый журналъ „*Бранура*“, посвященный вопросамъ германской филологіи и нѣмецко-скандинавскимъ древностямъ. Если съ научной стороны журналъ этотъ пролилъ не особенно много свѣту въ тьму, окутывавшую трудное возрожденіе нѣмецкой филологіи, то во всякомъ случаѣ великой заслугой *Гретера*, одного изъ издателей журнала, надо признать усиліе распространить знакомство съ произведеніями древне-скандинавской лите-

¹⁾ *Johannes v. Müller, Geschichte Schweizerischer Eidgenossenschaft, Tübingen 1815, II, стр. 214.*

ратуры, тѣсно связанной съ эпическими преданіями нѣмецкаго народа.

Но самымъ выдающимся фактомъ, имѣвшимъ значеніе для всей эпохи романтизма и для ускореннаго развитія нѣмецкой филологической науки, было бесспорно появленіе труда *Фридриха Августа Вольфа*, „*Prolegomena ad Homerum*“. Это событіе случилось въ 1795 году, прежде чѣмъ романтики обратились къ изученію средневѣковой нѣмецкой жизни. Трудъ этотъ выросъ на почвѣ идеи о природной поэзіи, явился возможнымъ результатомъ увлеченія ею и послужилъ новой эпохой для пониманія эпоса. Идеи этого сочиненія дошли и до нашего времени почти во всей своей жизненной силѣ, а въ свое время произвели переворотъ въ теоріи эпической поэзіи. Если у Гердера встрѣчаются указанія на то, что большія эпопеи и даже драма у всѣхъ народовъ возникли первоначально изъ народнаго разсказа, пѣсни или ромansa, то это были не больше, какъ намеки; ему никогда не могла придти въ голову мысль, что *Иліада* или *Одиссея* возникли изъ отдѣльныхъ народныхъ пѣсень или рапсодій.

Итакъ изъ массы условій, изъ множества трудно уловимыхъ мѣняній, имѣвшихъ значеніе для направленія цѣлой школы старшихъ романтиковъ, какъ *Людвига Тика* (1773—1853), *Августа Вильгельма Шлегеля* (1767—1845) и *Фридриха Шлегеля* (1772—1829), особенно для привлеченія ихъ вниманія къ старой нѣмецкой литературѣ и жизни, на первое мѣсто слѣдуетъ выдвинуть возбуждающія статьи *Юганнеса Мюллера* о *Нибелунгахъ* и затѣмъ изслѣдованіе о *Гомерѣ Фридриха Августа Вольфа*. Благодаря дѣятельности Мюллера романтики схватились за пѣснь о *Нибелунгахъ* и сдѣлали ее исходнымъ пунктомъ своихъ занятій нѣмецкими древностями; Вольфовская же теорія Гомера дала имъ мысль выдвинуть и свою національную поэму изъ среды прочихъ средневѣковыхъ произведеній и иначе взглянуть на ея значеніе для своей націи; вотъ почему дальнѣйшій успѣхъ развитія науки о народномъ эпосѣ связанъ съ дѣятельностью романтиковъ, *Тика и братьевъ Шлегелей* ¹⁾, а въ непосредственной зависимости отъ

¹⁾ *R. Haym*, Die romantische Schule. Berlin 1870, стр. 194. 885.

нихъ выступить со временемъ на поприще народной германской словесности и филологіи цѣлая плеяда знаменитыхъ ученыхъ, съ именемъ которыхъ нераздѣльно представляется слава національной науки: между ними въ особенности мы имѣемъ въ виду братьевъ Гриммовъ и Лахмана.

Подъ вліяніемъ сперва мечтаній о натурпоэзій, затѣмъ новыхъ взглядовъ на сущность народнаго эпоса, высказанныхъ Вольфомъ, братья Шлегели изучаютъ исторію поэзій. Они стремятся прослѣдить развитіе поэтическихъ родовъ до первоначальныхъ зачаточныхъ формъ, спускаются до самыхъ источниковъ языка и поэзій своего народа. Августъ Вильгельмъ Шлегель уже въ 1799 году занимался древней нѣмецкой литературой. Онъ протестовалъ противъ смѣшенія кельтскихъ и германскихъ древностей, высказывался противъ мнѣнія, будто бы нѣмецкіе барды, какъ тогда думали, были творцами первыхъ эпическихъ пѣсней и предполагалъ, что пѣсни, записанныя по повелѣнію Карла Великаго, и были именно изъ круга Нибелунговъ ¹⁾). Мысль эту въ послѣдствіи усваиваетъ также фонъ-деръ-Гагенъ, много сдѣлавшій для распространенія извѣстности пѣсни о Нибелунгахъ. Однако извѣстность ея росла не особенно быстро. Сорокъ пять лѣтъ спустя послѣ перваго изданія и двадцать лѣтъ послѣ второго пѣснь о Нибелунгахъ дѣлается предметомъ чтенія лекцій: именно зимою 1802 года А. В. Шлегель читалъ объ ней въ Берлинѣ въ курсѣ литературы лекціи для круга образованныхъ людей обоюго пола. Это были первыя чтенія о Нибелунгахъ, напечатанныя затѣмъ въ „*Deutsches Museum*“ 1812 года. Онъ пришелъ уже тогда къ убѣжденію, что миннезенгеры, въ лицѣ которыхъ поклонники натурпоэзій усматривали народныхъ пѣвцовъ, не могутъ считаться таковыми въ собственномъ смыслѣ. Такое различіе можетъ служить уже признакомъ большого шага впередъ въ дѣлѣ изученія средневѣковой литературы.

Миннезенгеры привлекли вниманіе и другаго представителя романтизма, *Людвига Тука*, искавшаго въ ихъ произведеніяхъ

¹⁾ *Athänäum*, 1799, II, стр. 306; *R. Haym*, *Die romantische Schule*. Berlin. 1870, стр. 813.

матеріаловъ для собственнаго творчества. Въ 1803 году онъ издаетъ свои пѣсни миннезенгеровъ съ предисловіемъ, въ которомъ представляетъ обзоръ древней нѣмецкой поэзіи. Онъ различаетъ три круга эпическихъ сказаній: о Нибелунгахъ, объ Артурѣ и Кругломъ столѣ, наконецъ о Карлѣ Великомъ. Всю эту повѣствовательную литературу онъ называетъ *романтической поэзіей*. По его мнѣнію нельзя исвать автора пѣсни о Нибелунгахъ, подобно тому какъ для Иліады или Одиссеи. Планы Тика для изученія пѣсни о Нибелунгахъ были широкіхъ размѣровъ, но по разнымъ причинамъ онъ ихъ или не окончилъ или вовсе отказался осуществить. Между тѣмъ занятія германской филологіей приняли широкіе размѣры, выступили на это поприще новыя дѣятели, сформировавшіеся непосредственно подъ вліяніемъ увлекательныхъ работъ старшихъ романтиковъ. Такъ *Яковъ Гриммъ* ¹⁾ (1785—1863), ученикъ знаменитаго Савиньи, его надежда и гордость, измѣнилъ своему учителю и вмѣсто юриспруденціи, которой занимался въ университетѣ, по прочтеніи пѣсень Тика навсегда сдѣлалъ свой выборъ. Въ немъ нѣмецкая филологія приобрѣла своего творца, а изслѣдованія его послужили образцомъ для таковыхъ же работъ *Дитца* въ области романской филологіи и *Миклошича* на поприщѣ славянской.

Нѣсколькими годами раньше Якова Гримма вышли на научное и литературное поприще *Іосифъ Гёррессъ*, *Клеменсъ Брентано*, *фонъ-деръ Гагенъ*, *Доценъ*, *Ахимъ Арнимъ*, *Бюшинъ*. Всѣ они принадлежали уже къ поколѣнію младшихъ романтиковъ и трудились на нивѣ родной филологіи и литературы, получивъ первыя побужденія къ этого рода дѣятельности подъ вліяніемъ или живой рѣчи своихъ учителей братьевъ Шлегелей и Тика, или же изъ ихъ сочиненій.

Изъ всѣхъ ихъ непосредственно для пѣсни о Нибелунгахъ наибольшую услугу оказалъ фонъ-деръ-Гагенъ. На его дѣя-

¹⁾ *Wilhelm Scherer, Jacob Grimm. Berlin. 1865.* Новое переработанное изд. 1835 г. вышло по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія Як. Гримма.

тельности мы и позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Съ 1804 года въ Берлинѣ находился извѣстный уже намъ Іоганнесъ Мюллеръ. Теперь онъ, какъ и прежде съ воодушевленіемъ ратовалъ за пѣсню о Нибелунгахъ. Къ нему присоединились голоса *Тросса* и братьевъ *Гриммовъ*, писавшихъ статьи о пѣснѣ уже съ 1807 г.; но съ особенной энергіей поднялся за честь старой нѣмецкой эпической поэмы *Фридриха Генриха фонъ-деръ-Гагена*, третій ея издатель.

Позднѣйшіе нѣмецкіе ученые германисты смотрятъ свысока на заслуги фонъ-деръ-Гагена. Но мы перенесемся въ ту обстановку, когда онъ дѣйствовалъ и забудемъ на время тѣ громадныя успѣхи, какихъ достигла ученая критика послѣдующихъ за нимъ поколѣній, и его заслуги будутъ для насъ очевидны.

Гагенъ жилъ въ моментъ зарожденія нѣмецкой критической филологіи; братья Гриммы лишь начинали выступать на свое блестящее ученое поприще, ихъ синтетическій гений не проявился еще во всемъ блескѣ своего дарованія; точно также и К. Лахманъ со своимъ необычайнымъ критическимъ талантомъ медлилъ еще выступать на самостоятельное научное изысканіе въ сферѣ германской филологіи и занимался пока, идя путемъ знаменитаго своего учителя, Фридриха Августа Вольфа, подготовительными работами.

Гагенъ былъ, такимъ образомъ, предоставленъ самому себѣ, и имѣлъ полное право сказать „*es sei hier* (съ пѣсней о Нибелунгахъ) *noch alles zu thun, oder zu lassen gewesen*“¹⁾. Съ воодушевленіемъ и энергіей принялся онъ за восстановление текста пѣсни и въ то же время спѣшилъ сдѣлать ее доступной пониманію общества черезъ переводъ.

Изданія Гагена были единственно годными къ употребленію до появленія Лахмановскаго изданія въ 1826 году, такимъ образомъ ихъ господство продолжалось въ школѣ и въ обществѣ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, начиная съ 1810 года, когда вы-

¹⁾ *H. v. d. Hagen*, *Der Nibelungen Lied*. 1810. стр. VIII.

шло первое Гагеновское изданіе; но еще раньше въ 1807 году былъ имъ исполненъ первый полный переводъ пѣсни о Нибелунгахъ. Благодаря усиліямъ Гагена пѣсня сдѣлалась извѣстной въ большомъ кругу читающей публики, а въ 1812 году обратилась въ палладіумъ нѣмецкаго народа въ виду возможной войны съ Наполеономъ за право національнаго существованія.

Не перечисляя всѣхъ изданій Гагена, въ которыхъ онъ старался установить генетическую зависимость разныхъ рукописей пѣсни о Нибелунгахъ, мы ограничимся лишь упоминаніемъ нѣкоторыхъ общихъ сторонъ дѣятельности этого ученаго.

Случайнымъ условіемъ, сильно благопріятствовавшимъ расширенію интереса въ обществѣ къ старой нѣмецкой литературѣ, были несчастія германской націи въ 1805 и 1806 годахъ. Германія подпала иноземному господству; все національное было принижено или осмѣяно. Литературные вожаки замѣтили жалкое положеніе отечественнаго слова, идущее еще со времени Фридриха II и схватились за мысль поднять самосознаніе въ обезкураженномъ народѣ, указавъ ему на доблести его предковъ. „У насъ есть поэзія страстей, писалъ уже раньше Вильгельмъ Шлегель, у насъ есть поэзія фантастическаго произвола, но не это намъ нужно: мы нуждаемся въ поэзіи патріотизма“. Нѣсколько лѣтъ спустя Фридрихъ Шлегель еще рѣзче осуждалъ современное ему научно-литературное направленіе. „Болѣе полустолѣтія тому назадъ, писалъ онъ, лучшіе умы Германіи до такой степени запутались въ исключительно эстетической оцѣнкѣ вещей и явленій жизни, что, наконецъ, потеряли всякую серьезную мысль о Богѣ и отечествѣ, всякое воспоминаніе о прежней славѣ; не осталось даже никакихъ признаковъ былого мужества, силы и вѣрности. Эстетическія мечтанія, игра въ формы должны быть прекращены; эти занятія недостойны великаго времени и не соотвѣтствуютъ его духу. Сила и серьезность дѣйствительности вмѣстѣ съ мыслью о Богѣ и нашемъ призваніи должны опять войти въ свои прежнія права, какъ это и свойственно нѣмецкому характеру“ ¹⁾. И, конечно, всѣ эти достоинства нѣмецкой націи

¹⁾ W. Scherer, Jacob Grimm, 1865.

были находимы въ произведеніяхъ средневѣковыхъ и каждый интересовался тѣмъ, что считалось теперь чисто нѣмецкимъ. Наряду съ Гомеромъ, Дантомъ и Шекспиромъ ставили пѣснь о Нибелунгахъ. Берлинъ и Гейдельбергъ были сборными пунктами молодежи, желавшей сбросить нуты французскаго вліянія, проникашаго глубоко во вкусы всего общества, и вернуться въ народно-бытовымъ традиціямъ.

„Въ народныхъ пѣсняхъ, говорилъ Ахимъ Арнимъ, одинъ изъ яркихъ представителей нѣмецкаго романтизма, привѣтствуютъ насъ зачатки здороваго будущаго, когда могучее искусство забытаго прошлаго удалить все чужое, заимствованное, изъ національнаго. Художникъ, искренно и глубоко сблизившійся съ народомъ, творить безъ труда и усилій, ибо онъ находитъ помощь въ великой, всеобщей сокровищницѣ поэзіи. Въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, разсказахъ, мелодіяхъ найдетъ онъ испытанную мудрость прошлыхъ вѣковъ. Каждый, строящій на такомъ чисто народномъ фундаментѣ, проникаетъ въ самую глубину мірового сердца; подъ свое знамя онъ соываетъ разсѣянный народъ въ новому будущему. Носители такого знамени пусть не ждуть никакого отличія, послѣдователи его пусть видятъ въ своемъ призваніи свою обязанность, ибо мы всѣ ищемъ чего-то высшаго, добываемъ золотое руно, составляющее богатство всего нашего народа, богатство, принадлежащее всѣмъ. Оно образуетъ, свое самобытное, исполненное внутренней жизни искусство-представляющееся намъ въ видѣ дивной ткани цѣлаго ряда вѣковъ и могучихъ силъ. Оно содержитъ вѣру и знанія народа и сопровождаетъ его въ радости и въ горѣ. Мы стремимся возвратить всѣмъ то, что сохранилось еще въ многовѣковыхъ переломкахъ, что принадлежитъ ко всеобщему монументу великаго новаго народа, нѣмцевъ: это будетъ могильнымъ помятникомъ прошлаго, радостнымъ пиромъ настоящаго и задаткомъ славнаго будущаго. Мы желаемъ по крайней мѣрѣ положить основные камни, намѣтить то, что выше нашихъ силъ, въ твердой увѣренности, что найдутся люди, которые выведутъ постройку на полную высоту и увѣнчаютъ все предпріятіе полнымъ успѣхомъ“. Мысли эти высказаны были въ статьѣ о „Народныхъ пѣс-

нѣтъ“ въ 1805 году и тѣсно связаны съ общими идеями Гердера. Въ томъ же духѣ было предпринято Арнимомъ вмѣстѣ съ Клеменсомъ Brentano обширное собраніе народныхъ пѣсенъ подъ страннымъ заглавіемъ „*des Knaben Wunderhorn*“. При такомъ восторженномъ поклоненіи народности представители романтизма считали однако неудобнымъ преподносить публикѣ народные произведенія въ ихъ истинномъ, неприкрашенномъ видѣ. Они реставрировали пѣсни и представляли ихъ какъ-бы въ нарумяненномъ и набѣленномъ видѣ. Поэтому работы ихъ для науки не имѣли большого значенія, и теперь почти забыты. Напротивъ того, въ то время настоящія народныя пѣсни въ сборникѣ фонъ-деръ-Гагена и Бюшинга, появившіяся годомъ позднѣе, прошли, почти не обративъ на себя вниманія. Оно и понятно: настоящіе знатоки и дѣятели народнаго слова, филологи, братья Гриммы, еще не выступили на поприще дѣятельности научной. Однако мысли, легшія въ основу ихъ работъ, были уже высказаны раньше и опредѣлили собою ихъ направленіе.

„Изучая свое прошлое, говорилъ Арнимъ, мы можемъ постигнуть гораздо глубже сущность самихъ себя и можемъ несравненно надежнѣе полагаться на природу своего отечества. Если до сихъ поръ Германія спокойно развивалась въ темнотѣ безсознательнаго состоянія, то внѣшніе напоры нынѣшняго времени принуждаютъ насъ придти къ самосознанію и ясному опредѣленію своего положенія между народами“. И вотъ дальнѣйшее развитіе научной мысли во всѣхъ областяхъ нѣмецкой науки и литературы и совершается именно подъ вліяніемъ сильнаго чувства народности и національной самобытности: *это и есть основной признакъ новаго поколѣнія нѣмецкихъ романтиковъ*, которымъ они отличаются отъ своихъ предшественниковъ ¹⁾. Изъ числа младшихъ романтиковъ раньше фонъ-деръ-Гагена и братьевъ Гриммовъ болѣе другихъ интересовался пѣсней о Ни-

¹⁾ *Wilhelm Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur, Berlin 1884. Очеркъ нѣмецкой романтики 614—720.*

белунгахъ *Гёрресъ*. Онъ написалъ изслѣдованіе ¹⁾ о „Роговомъ Зигфридѣ и Нибелунгахъ“, обосновывая свою работу на народныхъ книгахъ, распространенныхъ по ярмаркамъ и рынкамъ. Это было самое значительное изслѣдованіе со времени Иоганнеса Мюллера. Скандинавскіе источники были привлечены къ сравненію, насколько они были въ то время обнародованы и доступны. Въ особенности важной ему казалась сага о Дитрихѣ Бернскомъ (*Vilkina Saga*), представлявшаяся ему новой формой колоссальнаго эпоса, возникшаго во время переселенія народовъ пѣснь о Нибелунгахъ входила въ этотъ эпосъ лишь, какъ отдѣльный эпизодъ. Такое заключеніе онъ выводилъ изъ общаго взгляда на эпическую поэзію: она возникаетъ лишь тогда изъ жизни и носитъ въ себѣ лишь тогда жизненные начала, когда широкія и насильственные движенія колеблютъ жизнь въ ея глубочайшихъ основаніяхъ. Передвиженіе народовъ ниспровергло старыя царства, истребило цѣлыя поколѣнія, выдвинуло могучихъ героевъ; они своими дѣлами возбудили поэтическое воодушевленіе и когда мечи замолчали, раздались героическія пѣсни, и если умолкали пѣсни, то удары мечей превращались въ пѣснь стали.

Гёрресъ различаетъ поэтическое творчество скандинавское и собственно нѣмецкое: первому принадлежитъ мифъ, второе состоитъ изъ эпоса. Мифъ настолько же коренится въ сѣверной природѣ, насколько эпосъ вытекаетъ изъ готско-нѣмецкой исторіи. И оба эти элемента смѣшиваются одинъ съ другимъ въ германскомъ эпосѣ. Гёрресъ поднимаетъ уже вопросъ о мѣстѣ возникновенія пѣсни о Нибелунгахъ, собираетъ данныя о позднѣйшихъ отзвукахъ ея существованія, но не рѣшается еще подводить итоги тому, чего не въ состояніи доказать, а дѣлаетъ лишь бѣглый перечень разныхъ вопросовъ, привлекая между прочимъ къ сравненію параллельные факты изъ персидскаго и восточнаго эпосовъ. Такъ постепенно раздвигался туманъ, окутывавшій загадочное произведеніе изъ прошлой нѣмецкой жизни. Пылкія,

¹⁾ *J. Görres, Der gehörnte Siegfried und die Nibelungen, в Zeitung für Einsiedler, 1808 г. V, VIII, XII, XXI.*

не небогатыя научными результатами увлеченія романтиковъ средневѣковой литературой, поэзіей миннезенгеровъ, народными пѣснями привлекли на это поприще людей, смотрѣвшихъ другими очами на сущность дѣла. Въ числѣ этихъ иныхъ дѣятелей по серьезности работъ, по широтѣ взгляда, по богатству выводовъ слѣдуетъ выше всѣхъ поставить братьевъ *Гриммовъ*. Уже въ 1806 и 1807 годахъ составляется ими планъ общаго огромнаго собранія старыхъ и новыхъ народныхъ сказаній и подобнаго же собранія дѣтскихъ сказокъ. Оба предпріятія образуютъ почву, на которой затѣмъ развивается вся широкая и плодотворная ихъ дѣятельность. Къ сожалѣнію въ настоящемъ очеркѣ мы не можемъ прослѣдить весь путь ученыхъ работъ Гриммовъ и ограничимся лишь указаніемъ того вклада, какой привнесли они въ разъясненіе исторіи пѣсни о Нибелунгахъ.

Въ 1807 году появилась первая статья ¹⁾ *Якова Гримма* по этому вопросу. Пѣснь о Нибелунгахъ по его мнѣнію служить превосходнымъ образцомъ нѣмецкаго эпоса; во всей новой литературѣ нельзя найти что-либо подобное за нее, еслибы пришлось, можно было-бы отдать всѣ средневѣковые нѣмецкіе романы, принадлежащіе къ циклу короля Артура и Круглаго стола. Но способъ научнаго изученія этой поэмы не удовлетворителенъ: Бодмеръ, которому по справедливости присвоена честь ея открытія, сдѣлалъ двѣ непростительныя ошибки.

Во первыхъ онъ издалъ не всю поэму о Нибелунгахъ; во вторыхъ съ „пѣснею“ связалъ „Плачъ“, надѣясь сохранить тѣмъ единство дѣйствія, а между тѣмъ это двѣ совершенно разнородныя поэмы, не обладающія ровно никакою поэтическою общностью. Напротивъ того, пѣснь о Нибелунгахъ сама въ себѣ носитъ характеръ цѣльности и поэческаго единства: дѣйствіе развивается въ ней послѣдовательно и событія описываются съ энергіей и естественностью, недоступными искусственному творчеству.

Изданіе Бодмера повело такимъ образомъ, по мнѣнію Я. Гримма, къ слѣдующимъ заблужденіямъ: а) будто Нибелунги,

¹⁾ *Jacob Grimm, Ueber das Nibelungen Lied, вѣ Neuer Litt. Anzeiger, XV и XVI, 1807. Kleinere Schriften, т. IV, стр. 1—7. 1869.*

мѣсть Кримгильды и Плачъ составляютъ три поэмы; в) будто онѣ образуютъ одно поэтическое цѣлое и с) будто Конрадъ Вюрцбургскій—авторъ этихъ поэмъ.

Что касается послѣдняго изъ этихъ заблужденій, то оно основывается на упоминаніи лишь въ концѣ Плача имени какого-то Конрада; но произведенія, несомнѣнно принадлежащія Конраду Вюрцбургскому, писаны совершенно другимъ языкомъ, въ другомъ стилѣ, отличаются имъ только свойственнымъ способомъ выраженія и вообще не представляютъ ни малѣйшаго сходства съ изданной Бодмеромъ поэмой.

Авторъ пѣсни о Нибелунгахъ не извѣстенъ, какъ это наблюдается обыкновенно во всѣхъ національных эпосахъ, какъ это и должно быть, ибо такой эпосъ принадлежитъ всему народу и все субъективное изъ него удалено.

Мнѣніе, будто Конрадъ Вюрцбургскій написалъ ее, само собою заставило отнести появленіе ея ко второй половинѣ XIII столѣтія; между тѣмъ самый текстъ заставляетъ думать, что пѣснь была уже въ XII ст., такъ какъ языкъ ея не очень отличается отъ пѣсни о св. Ганнонѣ (ум. 1075 г.) и содержаніе ея передаетъ больше чертъ древности, чѣмъ рыцарскіе романы XIII столѣтія. Кромѣ того можно найти опредѣленные слѣды того, что пѣснь уже въ началѣ XII столѣтія пользовалась всеобщей извѣстностью: такъ переводъ пѣсни на скандинавскій языкъ въ видѣ Вилькиной Саги былъ тамъ распространенъ уже въ XIII столѣтіи. Поэтому самому слѣдуетъ думать, что оригиналъ, лишь переработка котораго переведена на скандинавскій языкъ, существовала гораздо раньше въ Германіи. Что касается второго изданія пѣсни, именно Миллеровскаго, то и оно весьма не удовлетворительно: издатель произвольно слилъ двѣ редакціи пѣсни — С и А, выражаясь однако такъ, что какъ будто свое изданіе сдѣлалъ по одной рукописи. Такой составъ текста впервые замѣтилъ Гизекъ ¹⁾, а не Яковъ Гриммъ, какъ говоритъ Царнке ²⁾.

¹⁾ Gieseke, Ueber der Nibelungen Lied. Hamburg 1794. (26. 4°).

²⁾ Fr. Zarncke, das Nibelungenlied. Leipzig 1875, стр. XXIX въ примѣч.

Помимо этого существеннаго недостатка изданіе Миллера наполнено было грубыми ошибками: часто соединены совершенно различные слова въ одно и часто одно слово дѣлится на части. При всемъ томъ нѣтъ, конечно, не будетъ оспаривать у него чести, какую приносить ему осуществленіе самаго изданія.

При очевидныхъ недостаткахъ Миллеровскаго изданія ощущалась прежде всего потребность въ новомъ критическомъ пересмотрѣ текста. Рукопись Гогенъ-Эмсская (теперь *C*) казалась древнѣйшей, но при ея пропускахъ, какъ полагалъ Я. Гриммъ, лучше всего принять въ основу текстъ Санъ-Галленскій (теперь *B*) и при этомъ было-бы чрезвычайно интереснымъ и почти необходимымъ приложить варианты другихъ болѣе значительныхъ рукописей. Для исторіи поэзіи, говоритъ Гриммъ, весьма поучительно видѣть, какъ поэма въ теченіе вѣковъ модифицировалась и измѣнялась; этимъ до сихъ поръ пренебрегали и думали, что при наличности древнѣйшаго текста всѣ другіе бесполезны“.

Въ этой замѣтѣ Я. Гриммъ указалъ главнѣйшіе пункты для дальнѣйшей разработки національнаго эпоса. Въ такой постепенности и послѣдовательности уяснялся взглядъ на пѣснь о Нибелунгахъ: неполное изданіе Бодмера вызвало за собой не-научное изданіе Миллера;—первое много послужило пробужденію въ обществѣ и наукѣ интереса къ старой нѣмецкой литературѣ, а второе возбудило энтузіазмъ романтиковъ и дало матеріалъ для переводовъ Тика. Переводы эти въ первый разъ привлекли вниманіе ученика Савиньи, Я. Гримма къ произведеніямъ нѣмецкой поэзіи; въ противномъ случаѣ, очень можетъ быть, что Гриммъ принадлежалъ-бы не филологіи, а юриспруденціи; не будь Гримма, не было бы и Лахмана.

Не смотря на строгую критику Миллеровскаго изданія со стороны Я. Гримма, оно сохранило еще нѣкоторое время свое значеніе среди тогдашнихъ представителей нѣмецкой науки и повторилось почти цѣликомъ въ двухъ изданіяхъ: *фонъ-деръ-Гагена* 1810 года и *Цейне* 1815 года. Этимъ издателямъ, конечно, не осталась безызвѣстной статья Гримма, но лучшаго они дать не могли, между тѣмъ въ обществѣ росла потребность имѣть хоть какой либо текстъ въ рукахъ.

Въ 1810 году фонъ-деръ-Гагенъ читаль о Нибелунгахъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ; подѣ вліяніемъ этихъ чтеній берлинскія дамы обратились къ передовому дѣятелю тогдашней мысли и слова, къ великому Гёте съ просьбой познакомить ихъ съ этимъ таинственнымъ произведеніемъ романтической поэзіи, какъ тогда все еще думали. Тутъ только Гёте вспомнилъ, что когда-то ему былъ присланъ экземпляръ Миллеровскаго изданія. Вотъ слова самого Гёте, написанныя имъ въ 1807 году ¹⁾: „Мнѣ уже давно было извѣстно существованіе поэмы о Нибелунгахъ по изданію Болмера. Потомъ Христіанъ (Христофъ) Генрихъ Миллеръ прислалъ мнѣ свой экземпляръ, къ сожалѣнію неброшюрованный; драгоценное произведеніе осталось лежать у меня въ необработанномъ видѣ, и я, занятый другими дѣлами, заботами и стремленіями, остался, подобно всему нѣмецкому обществу, глухъ по отношенію къ ней“. Теперь же, уступая просьбамъ берлинскихъ дамъ, пришлось и старику Гете заняться поэмой и читать въ дамскомъ обществѣ лекціи о Нибелунгахъ.

Подѣ непосредственнымъ вліяніемъ Гагеновскихъ чтеній зимою въ 1812 г. и Цейнэ открылъ свои публичныя лекціи. Въ это время судьба Наполеона рѣшалась въ Москвѣ и вмѣстѣ съ его закатившейся въ снѣжныхъ равнинахъ Россіи звѣздой возникало оттуда женовое и блестящее будущее для Пруссіи и Германіи. Возбужденіе умовъ въ Берлинѣ доходило въ это время до крайнихъ предѣловъ: никто не зналъ, что будетъ завтра, чѣмъ окончится великая драма исторіи. Когда при такихъ условіяхъ Цейнэ началъ свои бесплатныя чтенія о доблестяхъ былыхъ нѣмецкихъ героевъ, публика устремилась къ нему въ такомъ количествѣ, что огромный университетскій залъ едва могъ вмѣстить желавшихъ послушать чтенія о Нибелунгахъ. Тутъ были люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній. Хотя Цейнэ принадлежалъ къ одностороннимъ поклонникамъ пѣсни, для которыхъ она являлась единственной всеобъемлющей выразительницей сущности средневѣковой жизни, тѣмъ не менѣе его чтенія, благодаря такимъ внѣшнимъ

¹⁾ *Goethe's Werke*. 1830 Stuttgart (Cotta), Bnd. 32: „Tag- und Jahres-Hefte, als Ergänzung meiner sonstigen Bekenntnisse“, стр. 28.

условіямъ, имѣли громаднѣйшій успѣхъ; нѣмцы подъ вліяніемъ его чтеній, какъ бы въ первый разъ открыли, что и у нихъ нѣкогда было прекрасное и великое отечество, полное горделивыхъ воспоминаній и доблестныхъ подвиговъ, совершенныхъ могучими героями и борцами за свою національность. Въ 1813 году Цейне возобновилъ свои чтенія въ кругу образованнаго общества обоюдопола и въ числѣ своихъ слушателей видѣлъ между прочимъ великаго ученаго того времени, Фридриха Августа Вольфа.

Затѣмъ онъ предпринялъ поѣздку по Германіи и читалъ свои лекціи въ Гейдельбергѣ, Вормсѣ, Франкфуртѣ, въ сѣверной и южной Германіи. Наконецъ, въ 1815 году появилось его изданіе пѣсни, такъ называемое „*Feld-und-Zeltausgabe*“. Оно было предназначено для чтенія во время похода тѣмъ молодымъ людямъ, которые шли теперь бороться за свою родину противъ поработителя національной свободы.

Научнаго значенія это изданіе не имѣло, однако интересно отмѣтить, что среди добровольцевъ, для которыхъ оно было назначено, былъ также и знаменитый Карлъ Лахманъ. Очень можетъ быть, что вслѣдствіе этого, по возвращеніи изъ похода, свои блестящіе дарованія онъ по преимуществу примѣнилъ къ изслѣдованію пѣсни о Нибелунгахъ и затѣмъ вообще древней нѣмецкой поэзіи.

Его высокія заслуги на этомъ поприщѣ—внѣ всякаго соперничества, и мы будемъ имѣть случай говорить объ нихъ нѣсколько ниже.

Второе Гагеновское изданіе пѣсни о Нибелунгахъ появилось въ 1816 году. вмѣсто произвольной некритической комбинаціи разныхъ текстовъ, какъ это было въ изданіи 1810 года, Гагенъ въ настоящемъ своемъ трудѣ представилъ очищенный, исправленный текстъ Санъ-Галленской рукописи (теперь В). Въ своемъ введеніи къ этому изданію Гагенъ говоритъ: 1) о взаимномъ отношеніи разныхъ рукописей (VI—X); 2) объ исторіи пѣсни (X—XXIV); 3) о характерѣ настоящаго изданія (XXIV—XXXII). Здѣсь сопоставлены результаты, добытые уже наукой, и самимъ издателемъ сдѣлано нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, между прочимъ, что въ пѣснѣ смѣшаны два элемента: народныя пѣсни

съ рыцарской поэзіею XIII столѣтія; такимъ образомъ лишь теперь замѣтили, что поэма не народное произведеніе, а искусственное. Въ 1816 году Гагенъ предпринялъ поѣздку на югъ Германіи, снабженный средствами отъ прусскаго правительства, — такъ рѣзко перемѣнились уже обстоятельства со времени Фридриха II — съ цѣлію разыскать старыя рукописи пѣсни. Благодаря новоотысканнымъ источникамъ, онъ въ 1820 году дѣлаетъ третье изданіе, лучшее прежнихъ, при чемъ старается возстановить въ болѣе древнемъ, чистомъ видѣ текстъ пѣсни (LX). Это изданіе онъ снабдилъ словаремъ, подробнымъ введеніемъ, гдѣ разъясняются принципы самого издателя, сводятся результаты изученія рукописей и ихъ взаимнаго отношенія, обстоятельно излагается исторія пѣсни, насколько это было возможно при тогдашнемъ состояніи знанія. Гогенъ-Эмскую рукопись *C* Гагенъ считаетъ позднѣйшей обработкой, слѣдуя въ этомъ случаѣ мнѣнію Лахмана, первая работа котораго появилась въ 1816 году ¹⁾; но Санъ-Галленская рук. *B* кажется ему болѣе древней, чѣмъ другая Гогенъ-Эмская рук. *A*.

Уже Бодмеръ въ предисловіи въ своему изданію указалъ на сродство пѣсни о Нибелунгахъ съ скандинавскими сказаніями (VIII); Гагенъ пошелъ по этому пути гораздо дальше и провелъ параллели между сказаніями нѣмецкими и сѣверно-скандинавскими, приводя выдержки изъ Вилькиной саги ²⁾. Конечно, очень многія догадки Гагена не были еще научно обоснованы: для этого не оказывалось еще въ наличности критическаго метода въ филологіи, разработаннаго позднѣе братьями Гриммами и Лахманомъ, но все таки его дѣятельность значительно подготовила почву для работъ послѣдующихъ поколѣній ученыхъ и особенно была полезна обнародованіемъ множества рукописей и отрывковъ древнихъ памятниковъ.

Около этого времени также *Людвигъ Уландъ* (1787—1862) усердно занялся изученіемъ пѣсни о Нибелунгахъ и народными

¹⁾ *K. Lachmann*, Ueber die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth. Berlin 1816.

²⁾ *v. d. Hagen*, Heldenbilder aus den Sagenkreisen Karls des Grossen, Arthurs, der Tafelrunde und des Grals, Attilas, der Amelungen und Nibelungen. 2 Theile, Breslau 1823.

книгами. На этотъ путь навели его чтенія профессора Сейбоolda въ Тюбингенѣ, имѣвшаго обыкновеніе сравнивать Гомеровскія поэмы съ средневѣковой нѣмецкой поэзіей. Но собственно работы Уланда по занимающему насъ вопросу въ широкомъ размѣрѣ состоялись въ 1830 и 1831 годахъ въ Тюбингенскомъ университетѣ и обнимали собой изслѣдованія многихъ другихъ ученыхъ, работавшихъ раньше на этомъ поприщѣ ¹⁾. Поэтому мы ограничимся лишь краткой характеристикой его взглядовъ ранняго періода.

По мнѣнію Уланда герои нѣмецкаго эпоса образуютъ свой особый мистическій міръ, изъ котораго нѣтъ посредствующихъ ступеней въ человѣческое общество. Область скандинавскихъ сказаній онъ считаетъ древнѣйшимъ проявленіемъ романтизма; на романтизмъ смотритъ, какъ на предчувствіе безконечнаго въ чувственномъ созерцаніи дѣйствительности. Элементы романтизма онъ отыскиваетъ въ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ, при чемъ таковыми оказываются: вѣра и любовь, храбрость и религіозность, влюбленный рыцарь и пастушка.

Статьи Уланда изъ этого періода были лишь программой его дальнѣйшей дѣятельности, какъ поэта и ученаго; въ нихъ онъ скорѣе примыкаетъ къ поколѣнію старшихъ романтиковъ, чѣмъ къ новой школѣ филологовъ, которые и принимаютъ теперь за изученіе средневѣковой поэзіи. Главнымъ представителемъ новаго направленія въ филологической наукѣ былъ, какъ извѣстно, *Яковъ Гриммъ*. Онъ скорѣе раздвинулъ предѣлы своихъ чисто филологическихъ изслѣдованій и перешелъ въ область обще-германскихъ и романскихъ литературъ. Появившіеся около того времени переводы славянскихъ, финнскихъ и восточныхъ народныхъ сказаній дали ему возможность расширить свой кругозоръ привлеченіемъ къ сравненію и этихъ послѣднихъ; сверхъ того и сербскія пѣсни Вука Караджича, вышедшія въ 1823 году, нашли восторженный пріемъ со стороны горячаго поклонника

¹⁾ *Uhland's Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage.* 7 Bde. Stuttgart 1865—68.

всего неподдѣльно-народнаго и привели его къ запятію сербскимъ языкомъ ¹⁾).

Пѣснь о Нибелунгахъ, произведенія средневѣковыхъ минне-зенгеровъ, староиспанскіе романсы, сербскія и новогреческія народныя пѣсни одинаково интересовали Якова Гримма; миеологическія изслѣдованія Крѣйцера, Гѣрреса, Канне, И. И. Вагнера не оставались имъ безъ вниманія. Благодаря такой широкой эрудиціи взгляды его отличались удивительною ясностью, правильною, а сверхъ того симпатичностью. Такъ не смотря на то, что исходнымъ побужденіемъ его дѣятельности на поприщѣ старой нѣмецкой литературы послужило чувство патріотизма, онъ избѣжалъ многихъ одностороннихъ увлеченій своихъ современниковъ. Занятія прошлой литературой имѣли для него смыслъ разысканія и сохраненія старой народной поэзіи. Хотя онъ и жилъ душой въ прошломъ нѣмецкаго народа, однако въ то же время превосходно понималъ господствующее значеніе современности, для которой отжившее является лишь служебнымъ матеріаломъ. Въ силу этого фантазіи политиковъ, стремившихся возстановить отброшенныя исторіей формы жизни, не нашли въ немъ никакого отзыва: онъ не желалъ и не считалъ возможнымъ какой либо возвратъ къ прошлому, къ отжившему. Однако ему казалось возможнымъ упрекнуть бюрократію прежнихъ столѣтій, пасивственно ворвавшуюся въ народное міросозерцаніе, лишившую народъ его самобытныхъ радостей, въ замѣнъ которыхъ ему ничего не было дано. Научные взгляды и приемы Якова Гримма нашли множество послѣдователей какъ въ Германіи, такъ и за ея предѣлами и вліяніе ихъ продолжается еще и до нашего времени.

И такъ интересъ къ безыскусственному творчеству вышелъ изъ школы романтиковъ, подхваченъ былъ націоналистами и лишь позднѣе усвоенъ людьми чистой науки, стремившимися раскрыть научную истину.

¹⁾ *Jacob Grimm, Kleinere Schriften, 5 Bde. 1866—1879.*

Прослѣдивъ такимъ образомъ зарождеііе и развитіе идеи, приведшей нѣмецкихъ филологовъ къ занятію произведеніями народной словесности вообще и пѣснью о Нибелунгахъ въ частности, мы позволимъ себѣ остановиться теперь на результатахъ ихъ научныхъ изслѣдованій въ этой области. Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ сильнымъ критическимъ талантомъ, внесшимъ порядокъ и методъ въ обширную область нѣмецкой филологіи. Этотъ талантъ послужилъ какъ бы дополненіемъ къ творческому, систематизирующему генію Якова Гримма и проявилъ свою дѣятельность десятью годами позднѣе появленія первыхъ работъ Гримма. Мы имѣемъ въ виду *Карла Лахмана*, съ обзора научныхъ изслѣдованій котораго мы и начнемъ слѣдующій отдѣлъ.

4. Изслѣдованія пѣсни о Нибелунгахъ.

Серьезный и глубокій анализъ составныхъ элементовъ пѣсни о Нибелунгахъ и связанныхъ съ нею народныхъ нѣмецкихъ сказаній начинается лишь съ Карла Лахмана.

Изысканія Фридриха Августа Вольфа о первоначальномъ видѣ Гомеровскихъ поэмъ ¹⁾, долгое время не поддававшіяся критикѣ, по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ положеніяхъ, отличались до такой степени внутренней силой доказательности, что казалось возможнымъ примѣнить его выводы и методъ къ изслѣдованію эпическихъ произведеній и другихъ народовъ. Можетъ быть такого рода произведенія возникли подобно древнегреческимъ поэмамъ и лишь постепенно, мало по малу достигли своей современной формы. Эти мысли руководили Лахманомъ, когда онъ принялся за изученіе нѣмецкаго эпоса. Исходя изъ критическихъ пріемовъ Вольфа, онъ думалъ доказать, что пѣснь о Нибелунгахъ, въ томъ видѣ, какъ она дошла до нашего времени изъ XIII столѣтія, даетъ еще возможность различить отдѣльныя пѣсни, легшія въ ея основаніе.

¹⁾ *F. A. Wolf, Prolegomena ad Homerum 1795 и 1876².*

Въ первый разъ свои мысли Лахманъ высказалъ въ изслѣдованіи ¹⁾, „о первоначальномъ видѣ поэмы о Нибелунгахъ“, опубликованномъ въ 1816 году. Въ слѣдующемъ году въ рецензій ²⁾ Гагеновскаго изданія пѣсни 1816 года онъ такъ обобщаетъ свои выводы:

а) Почти по всей поэмѣ можно различить первоначальныя народныя пѣсни. Даже въ болѣе совершенномъ текстѣ рукописи *C* очень легко можно замѣтить не только обработку въ народномъ духѣ, но и цѣликомъ принятія вставки изъ существовавшихъ нѣкогда народныхъ пѣсень.

б) Творцемъ пѣсень былъ „не рыцарь или миннезенгеръ, глубоко слившій старыя народныя пѣсни со своими“ (XVI у Гагена), но странствующій шпильманъ. Онъ удалилъ часть чудеснаго изъ старыхъ сказаній, примѣшалъ къ нимъ кое-что рыцарское и тѣмъ доставилъ своему произведенію доступъ ко дворамъ князей и господъ, которымъ старыя повѣствованія въ ихъ прежней формѣ не были уже болѣе рассказываемы.

с) Плачъ „не есть позднѣйшее продолженіе поэмы“ (XX), но вся поэма явилась по крайней мѣрѣ третьимъ уже собраніемъ пѣсень о Нибелунгахъ и гораздо новѣе Плача и моложе даже Парсивала Вольфрама фонъ-Эшенбаха.

Доказательству выставленныхъ трехъ положеній посвящено цѣлое изслѣдованіе Лахмана „о происхожденіи пѣсни о Нибелунгахъ“. Доводы свои онъ развиваетъ тѣмъ же путемъ, что и Вольфъ, вся сила доказательствъ котораго основана была на анализѣ языка Гомеровскихъ поэмъ и направлена была къ тому, чтобы доказать, что пѣсни Гомеровскія пѣлись въ до-гомеровскую эпоху пѣвцами и рапсодами.

Точно также и пѣсни, принадлежащія кругу нѣмецкихъ сказаній, сохранялись въ устахъ народа еще до XVII столѣтія, но что

¹⁾ *Karl Lachmann, Kleinere Schriften, I (1—81), Berlin 1876 „Ueber die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth, 1816“.*

²⁾ *Ibid. I (81—114) „Der Nibelungen Lied, herausg. von v. d. Hagen.“ Breslau 1816.*

касается самой поэмы о Нибелунгахъ, то нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ тому, будто народъ зналъ ее въ ея настоящемъ видѣ.

Мѣсто въ Титурелѣ:

So singent uns die blinden,

Das Sifrid hürnein waere.... etc. —

хотя указываетъ на народную пѣснь, но еще сомнительно, имѣется ли здѣсь въ виду поэма о Нибелунгахъ, или же пѣснь о Роговомъ Зигфридѣ.

Поэтому кажется невозможнымъ утверждать, что поэма сложилась изъ отдѣльныхъ пѣсней среди самого народа, но очень многое заставляетъ признать существованіе отдѣльнаго творца всего цѣлаго, наложившаго на свое произведеніе печать извѣстнаго періода и своей индивидуальности. Таеъ языкъ несомѣнно носить черты десятилѣтій между XII и XIII столѣтіями, хотя изрѣдка нѣкоторая свобода въ словосочиненіи, повидимому, какъ бы вытекаетъ изъ болѣе отдаленнаго времени. Замѣчательная чистота риемы служить вторымъ признакомъ возникновенія поэмы въ XII ст., когда такой правильности и твердости въ римѣ достигъ впервые Генрихъ фонъ-Вельдекэ (1184—1188), между тѣмъ какъ до него повсюду замѣчается еще колебаніе между римой и ассонансомъ. Сверхъ того замѣтна бѣдность въ выборѣ словъ для риемы, повторяемость въ разныхъ мѣстахъ одной и той же риемы и однихъ и тѣхъ же римуемыхъ словъ, повидимому, указываютъ также на отдѣльнаго автора всей поэмы. Затѣмъ цѣльность изложенія, его чистота, однѣ и тѣже описанія, особенно платя, тѣже намеки на предстоящее, иногда отдаленные, а иногда до такой степени ясные, что даютъ возможность впередъ узнавать конецъ всего предстоящаго дѣйствія,— все это говоритъ въ пользу единой мысли, заправлявшей созданіемъ всего цѣлаго.

Местъ Кримгильды за убійство Зигфрида понималась авторомъ, какъ движущій и побуждающій мотивъ всей драмы; гибель ея братьевъ фатально связана съ судьбой убійцы Зигфрида; все сводится къ высшему представленію о судьбѣ, которая постоянно смѣняетъ горе радостью и радость горемъ; наконецъ,

самое имя „Nibelungen Noth“ сразу переносить мысль на исходъ всего дѣйствія, куда неизбежно стремятся побочныя явленія, подготавливая гибель бургундскихъ королей со всѣмъ ихъ войскомъ.

Не смотря однако на всѣ эти признаки единоличности со-зданія поэмы и еще нѣкоторыя другія данныя, свидѣтельствующія о томъ же, оказывается возможнымъ произвести анализъ поэмы и не только выдѣлить изъ нея вставки позднѣйшихъ передѣлывателей, но также различить первоначальныя народныя пѣсни. Ни большая законченность формъ, ни удивительно чистая отдѣлка оборотовъ рѣчи, ни замѣчательная живость изложенія во всей второй половинѣ поэмы не служатъ для Лахмана достаточно убѣдительными доводами въ невозможности его точки зрѣнія.

Путь, избранный Лахманомъ, простъ и естествененъ. Критерій принять хронологическій: позднѣйшія историческія событія, упоминаемыя въ пѣснѣ, вставлены, понятно, позднѣе. Анализъ начинается со второй половины поэмы.

Уже А. В. Шлегель замѣтилъ, что мареграфъ Рюдигеръ фонъ-Бехларенъ оказалъ весьма замѣтное вліяніе на характеръ всего сказанія. Хотя повидимому эту личность, жившую лишь въ X ст., слѣдовало бы выдѣлить прежде всего изъ общаго хода разсказа, однако это оказывается невозможнымъ: всякій слѣдъ виѣшняго введенія Рюдигера въ поэму совершенно сглаженъ, нѣтъ возможности найти признаковъ спаянія. Зато личность епископа Пильгрима Пассаускаго, умершаго въ 991 году и превращеннаго сказаніемъ въ брата матери Кримгильды, очень легко удалить: всѣ строфы, гдѣ онъ является, изыатыя изъ поэмы, нисколько не нарушаютъ цѣльности разсказа. Нѣсколько труднѣе справиться съ личностью Фолькера. Онъ играетъ двойную роль: героя и шпильмана, и очерченъ въ послѣднихъ авентюрахъ пѣсни дивно поэтически. Въ началѣ поэмы онъ упоминается въ числѣ вассаловъ короля Гунтера; затѣмъ въ войнѣ противъ саксовъ и датчанъ несетъ знамя бургундовъ, а послѣ того надолго остается забытымъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имя его упоминается на ряду съ другими. Всѣ такія строфы, гдѣ приводятся лишь имена разныхъ дѣйствующихъ лицъ, Лахманъ считаетъ вставными.

Собираясь ко двору Этцеля, Гунтеръ созываетъ своихъ вассаловъ: приходитъ и Фолькеръ съ тридцатью своими людьми. Объ этихъ послѣднихъ дальше вовсе не упоминается, а потому строфы всѣ вообще, описывающія прибытіе вассаловъ на Рейнь къ Гунтеру, Лахманъ считаетъ позднѣйшей вставкой. Хотя личность Фолькера намъ уже извѣстна изъ первыхъ авентюръ, но не смотря на это мы встрѣчаемъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ такое мѣсто:

Wer der Volker waere, daz wil ich ñch wizzen lan etc.

Очевидно, авторъ этой части не читалъ первыхъ авентюръ и нашелъ лишь общее упоминаніе имени Фолькера въ своемъ отдѣлѣ, почему и счелъ нужнымъ познакомить читателя съ этимъ лицомъ.

И такъ всѣ строфы, упоминающія лишь имя Фолькера, очевидно вставлены. Лишь тѣ мѣста принадлежатъ первоначальному составу поэмы, гдѣ онъ принимаетъ болѣе близкое участіе въ совершающихся событіяхъ. Съ того момента разсказа, когда бургунды приходятъ къ Рюдигеру въ Бехларенъ, нѣтъ уже возможности указать какія-бы то ни было вставки о Фолькерѣ: до такой степени близко связанъ онъ съ другими дѣйствующими лицами. При этомъ Лахманъ высказываетъ предположеніе, что *рыцарскій пѣвецъ* ¹⁾, одинъ изъ діаскевастовъ пѣсни о Нибелунгахъ, въ послѣднихъ авентюрахъ удѣлилъ свое особое вниманіе личности Фолькера и въ лучшихъ частяхъ поэмы выдвинулъ его надъ всѣми прочими героями.

Покончивъ съ Фолькеромъ, Лахманъ переходитъ къ городу Вѣнѣ.

Городъ Вѣна два раза упоминается въ поэмѣ о Нибелунгахъ: въ первый разъ Рюдигеръ, собираясь ѣхать сватать Кримгильду, велитъ привезти себѣ платье изъ Вѣны; затѣмъ свадьба Этцеля съ Кримгильдой совершается въ Вѣнѣ.

Уже А. В. Шлегель замѣтилъ, что Вѣна, построенная въ 1162 году, попала въ поэму лишь чрезъ позднѣйшую переделку. Слѣдовъ вставки въ этомъ мѣстѣ Лахманъ однако не могъ

¹⁾ Kleinere Schriften I, 15.

открыть, такъ что трудно сказать, что изъ стараго замѣнено здѣсь новымъ.

Точно также мѣста, относящіяся къ христіанскимъ понятіямъ, приписываются позднѣйшему времени. Однако и здѣсь Лахманъ нигдѣ не открылъ ни малѣйшаго слѣда, который далъ бы возможность думать, что такія строфы принадлежатъ позднѣйшимъ интерполяціямъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что христіанскій элементъ въ сущности не значителенъ въ поэмѣ и по самому свойству разсказа не могъ играть выдающейся роли.

До сихъ поръ были указаны отдѣльные мѣста, приписываемыя позднѣйшимъ вставкамъ; теперь отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ пѣсень, вошедшихъ въ составъ цѣлой поэмы, какъ это думалъ Лахманъ. Пѣсни эти принадлежали тому періоду, когда событія, описываемыя ими, не были еще связаны въ одно цѣлое.

Вторая половина поэмы начинается какъ разъ новой пѣснью, по Лахману XI-ой:

Daz was in einen zîten dô vrou Helche erstarp etc.; по рук. С въ изданіи Царнкэ это мѣсто читается:

Das geschah in den gezîten, dô frou Helche erstarp — т. е. это было или случилось въ то время, когда Гельхэ, жена (Этцеля) умерла.

Въ этой пѣснѣ разсказывается Этцелю про Кримгильду и ея братьевъ (строфа Л. 1083, Гольд. 1166).

Другая пѣснь сообщаетъ о поѣздкѣ пословъ короля гупиновъ къ бургундамъ (строфа Л. 1363).

Третья пѣснь имѣла въ виду Эккеварта, оказывающагося въ поэмѣ непонятнымъ образомъ оберегателемъ марки Рюдигера (строфа Л. 1582).

Съ разныхъ точекъ зрѣнія Лахманъ приходитъ къ признанію того или другаго мѣста поэмы за когда - то отдѣльно существовавшую пѣсню: или лишнее повтореніе, или противорѣчіе, или недосказанность, или одинъ намекъ безъ дальнѣйшаго разъясненія служатъ для него подтвержденіемъ его мысли.

Такъ отъѣздъ бургундовъ ко двору Этцеля былъ предметомъ отдѣльной пѣсни, такъ какъ въ описаніи его (строфа 1452) повторяется все предшествовавшее (строфа 1403, 1404). При отъѣздѣ

выводится новое лицо, сходящее затѣмъ совершенно со сцены разсказа,—епископъ Шпейерскій (строфа 1448). Онъ чувствуетъ бѣду и предостерегаетъ королей: здѣсь слышится отзвукъ потерянной пѣсни.

Разговоръ Гагена съ русалками и убійство перевозчика тоже составляютъ обрывки когда-то существовавшихъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Русалки общаются (строфа 1476) предсказать Гагену судьбу, ожидающую бургундовъ въ землѣ гуннской, хотя онъ ихъ объ этомъ не просилъ. Первозчикъ угрожаетъ Гагену, если онъ не выйдетъ изъ лодки (строфа 1498), между тѣмъ изъ поэмы не видно, чтобы Гагенъ вступалъ въ лодку, атакоевыпущеніе не соответствуетъ эпической подробности всей поэмы. Гагенъ отрубилъ голову перевозчику, и она упала въ воду (строфа 1523); затѣмъ Гунтеръ и прочіе бургунды видятъ въ лодкѣ лишь кровь, слѣдовательно и тѣло было выброшено въ воду, но поэма умалчиваетъ объ этомъ.

Очень интересно, что три датскія пѣсни о мести Кримгильды, во многихъ пунктахъ согласны съ разсказомъ поэмы, пополняютъ часть послѣднихъ недомолвокъ. Во всѣхъ этихъ трехъ пѣсняхъ Гагенъ спрашиваетъ русалку, что съ нимъ будетъ, если онъ пойдетъ въ Гвенъ къ своей сестрѣ, Гримгильдѣ? Въ первой пѣснѣ онъ отрубаетъ голову русалкѣ, но въ третьей перевозчику и бросаетъ ее въ море, затѣмъ бросаетъ туда же и трупъ, съ тѣмъ чтобы разрубленные члены на днѣ нашли другъ друга.

Помимо датскихъ пѣсенъ кое-что подобнымъ же образомъ разъясняется изъ Вильеиной саги.

Сравненіе содержанія Плача съ поэмой о Нибелунгахъ приводитъ къ убѣжденію, что авторъ Плача зналъ большую половину пѣсни. Связь Плача съ пѣсней начинается съ того момента, когда описывается пріемъ бургундовъ у Этцеля.

Плачъ и поэма взаимно пополняютъ недомолвки другъ друга, и можно думать, что авторъ Плача имѣлъ передъ собою не 32 авентюры поэмы, а какія то другія пѣсни съ такими же отклоненіями, какія, напр., мы видимъ въ датскихъ пѣсняхъ о мести Гримгильды. О первой части поэмы авторъ Плача зналъ гораздо меньше: такъ прежняя жизнь Кримгильды и ея род-

ныхъ извѣстна ему, по всей вѣроятности, изъ какого либо короткаго извлеченія изъ поэмы и при томъ съ отклоненіями отъ ея разсказа.

Во всемъ Плачѣ нѣтъ также упоминаній о прежнихъ подвигахъ Зигфрида, объ его неуязвимости, о Нибелунгахъ, о шапкѣ-невидимкѣ; ни слова не говорится и о борьбѣ Брунгильды, о томъ какъ она два раза была побѣждена Зигфридомъ. Эти обстоятельства даютъ право заключать, что авторъ Плача въ своихъ источникахъ не нашелъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этихъ фактахъ; иначе онъ не упустилъ бы случая, по крайней мѣрѣ, упомянуть объ нихъ.

Сопоставленіе отдѣльныхъ мѣстъ Плача съ разсказами пѣсни о Нибелунгахъ приводитъ къ убѣжденію, что не зависимо отъ матеріаловъ, положенныхъ въ основу поэмы, должны были существовать еще другія, совершенно самостоятельныя пѣсни съ болѣшими или меньшими отклоненіями отъ общаго развитія дѣйствія. Введеніе Плача, передающее въ общихъ чертахъ содержаніе первыхъ авантуръ пѣсни, по всей вѣроятности, образовано изъ сплоченія такихъ отдѣльныхъ пѣсенъ.

Покончивъ съ разборомъ второй части поэмы о Нибелунгахъ, Лахманъ переходитъ къ анализу первой ея половины. Въ ней также можно еще замѣтить слитіе многихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, хотя и не съ такою ясностью, какъ во второй части.

Первыя строфы, въ которыхъ перечисляются дѣйствующие лица, позволительно считать за искусственно обработанное введеніе для нынѣшней уже формы поэмы. Здѣсь упомянуты ни болѣе, ни менѣе какъ всѣ лица, которымъ предстоитъ играть какую либо роль въ дѣйствіи.

Слѣдующее затѣмъ описаніе сна Кримгильды не можетъ считаться уже продуктомъ творчества составителя поэмы, такъ какъ въ немъ замѣтны еще миѣическія черты. Однако форма, въ какой передано сновидѣніе, до такой степени поэтична и нѣжна, что ее можно приписать лишь образованному поэту.

Юность Зигфрида, затѣмъ поѣздка его въ Бургундію обрисованы такъ смѣло и рѣзко, что безъ колебанія приходится отодвинуть эти мѣста въ періодъ болѣе ранній. Начало и конецъ

этой пѣсни о юности Зигфрида вполне самостоятельны: Кримгильда вводится сюда какъ новое лицо; изъ Бургундовъ извѣстны лишь Гунтеръ, Гернотъ, Гагенъ и Ортвинъ; о другихъ не упоминается.

Въ описаніе войны съ саксами и датчанами вставлены новыя строфы, именно тѣ, въ которыхъ выходятъ на сцену Гагенъ, Ортвинъ, Даневартъ, Фолькеръ, Синольдъ и Гунольдъ. Ихъ слѣдуетъ отнести на счетъ составителя поэмы.

Встрѣча Зигфрида съ Кримгильдой, его чисто-рыцарское обращеніе съ нею, подробное, картинное изложеніе его мыслей (строфы 260—304) безъ сомнѣнія должны быть приписаны болѣе позднему времени.

Послѣ посредствующей строфы (324) съ римой въ срединѣ:

„Iteniwiu maere sich huoben über Rîn.
man seite daz dâ waere manic magedîn.
der dâhte im eine werben des künic Gunthers muot.
daz dûhte sîne recken und die hêrren alle guot...,

т. е. „теперь начинаются совершенно новыя сказанія изъ-за Рейна. Рассказывали, что тамъ было много дѣвицъ. Одну изъ нихъ задумалъ сватать за себя король Гунтеръ. Его витязямъ и вельможамъ казалось это хорошимъ“...: слѣдуетъ вполне особнякомъ стоящая пѣсня о Брунгильдѣ, начинающаяся такъ:

Ez was ein küniginne gesezzen über sê etc.

т. е. жила-была за моремъ королевна...

Въ этой пѣснѣ особенно часто выступаетъ поэтъ съ обращеніями къ слушателю. О карликѣ Альберихѣ, о шапкѣ-невидимкѣ рассказывается еще какъ о вещахъ неизвѣстныхъ, между тѣмъ выставляется на видъ прежнее знакомство Зигфрида съ Брунгильдой. Очень часто указывается здѣсь на событія послѣдующія, какъ Зигфридъ женится на Кримгильдѣ, какъ затѣмъ онъ наживаетъ лишь горе отъ всѣхъ своихъ усилій добыть Брунгильду для Гунтера, какъ королевы ссорятся и Гунтеръ забываетъ услуги Зигфрида. Всѣ эти неумѣстныя подробности указываютъ на усилія поэта приурочить особнякомъ стоящую пѣсню къ общему ходу разсказа.

Противорѣчія въ географическихъ данныхъ, нѣкоторая не-точность въ описаніи мѣстности, расположенной вокругъ Вормса, свидѣтельствуютъ не только о сплоченіи многихъ отдѣльныхъ пѣсень съ противорѣчивыми географическими указапіями, но также и о справедливости предположенія А. В. Шлегеля, что пѣснь о Нибелунгахъ происходитъ изъ южной Германіи, хотя о Зигфридѣ и мести Кримгильды пѣлось почти повсюду, гдѣ жили германскія племена.

Пріемъ Зигфрида съ Кримгильдой въ Вормсѣ описывается съ большею подробностью. Ссора королевъ обработана превосходно, такъ что многое изъ этихъ двухъ эпизодовъ слѣдуетъ отнести къ искусству поэта. Далѣе слѣдуетъ довольно сухое описаніе заговора противъ Зигфрида, ловко обрисованное умѣнье Гагена выпытать у Кримгильды, въ какомъ мѣстѣ можно ранить Зигфрида. Еще лучше съ нѣкоторыми прикрасами изложена охота въ Вогезахъ и убійство Зигфрида. Однако и здѣсь замѣтны нѣкоторыя противорѣчія, какъ напр. въ описаніи платья Зигфрида, что несомнѣнно говоритъ за позднѣйшую вставку новыхъ строфъ.

Выдѣливъ на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, что принадлежитъ позднѣйшимъ передѣлывателямъ поэмы, остальное можно отнести на долю народныхъ пѣсень, несомнѣнно существовавшихъ въ Германіи съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ, какое развивается въ поэмѣ о Нибелунгахъ. Слѣды старыхъ сѣверно-нѣмецкихъ пѣсень открываются въ скандинавской Нифлунга-сагѣ, а кромѣ того мы уже раньше видѣли, что швабскій поэтъ-слѣпецъ Марнеръ и Гугофонъ-Тримбергъ упоминаютъ о разныхъ народныхъ стихотвореніяхъ, гдѣ говорится о Кримгильдѣ, Зигфридѣ и о кладѣ Нибелунговъ. Точно также и авторъ пѣсни о Роговомъ Зигфридѣ указываетъ не на поэмѣ о Нибелунгахъ, но на какое то другое стихотвореніе, обнимавшее лишь часть содержанія поэмы, а составитель тюрингенской хроники, *Іоаннъ Фомэ* въ половинѣ XV вѣка приводитъ указаніе о томъ, что и въ его время существовали пѣсни о могучемъ Зигфридѣ, о Гагенѣ и Кунегильдѣ (Кримгильдѣ). Прямое же указаніе на существованіе поэмы о Нибелун-

гахъ находится въ началѣ пѣсни о „*Rabenschlacht*“, гдѣ первые стихи оказываются очевиднымъ подражаніемъ поэмѣ:

Welt ir von *alten meren*
Wunder horen sagen,
Von recken lobebere,
 So solt ir gern dazu dagen...,

т. е. если вы любите слушать чудныя сказанія о старыхъ событіяхъ, о славныхъ герояхъ, то вы будете охотно прислушиваться къ этому разсказу...

Въ Парсивалѣ Вольфрама фонъ-Эшенбаха тоже имѣется намекъ на знакомство съ содержаніемъ пѣсни о Нибелунгахъ.

И такъ, хронологическая непослѣдовательность, ошибки географіи, намеки на отдѣльно стоящихъ лицъ, противорѣчія въ разсказѣ, неровность въ изложеніи, нѣкоторыя особенности рѣчмы даютъ Лахману возможность утверждать, что поэма составлена изъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Историческія свидѣтельства о существованіи такихъ самостоятельныхъ народныхъ пѣсенъ устраняютъ всякое сомнѣніе въ вѣрности теоріи. Остается лишь открытымъ вопросъ, до какой степени велико было участіе личнаго творчества со стороны *рыцарскаго поэта*, искусная рука котораго чувствуется по всей поэмѣ. Въ этомъ вопросѣ взгляды Лахмана сильно колеблются и иногда противорѣчатъ себѣ.

Исслѣдованіе Лахмана было встрѣчено большимъ сочувствіемъ со стороны братьевъ Гриммовъ, тѣмъ не менѣе *В. Гриммъ* отдавая должное проницательности автора, его остроумію и умѣнью справляться со своимъ матеріаломъ, находить возможнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся сущности вопроса ¹⁾.

Пропуски въ Платѣ, сокращенія или недомолвки въ немъ Лахманъ, какъ мы уже видѣли, объясняетъ тѣмъ, что авторъ этой поэмы не имѣлъ въ своемъ распоряженіи всей пѣсни о Нибелунгахъ, во всемъ ея теперешнемъ объемѣ. Этого вывода Гриммъ не принимаетъ. Ему кажется, что пропуски вполне

¹⁾ *Willhelm Grimm, Kleinere Schriften* II. 1881 (176—195).

свойственны такому произведенію, какъ Плачь, передающему лишь въ выдержкахъ содержаніе поэмы, къ которой онъ непосредственно примыкаетъ своимъ дѣйствіемъ. Авторъ такой поэмы могъ совершенно естественно остановиться подробнѣе на одномъ событіи и передать другое въ сокращенномъ видѣ.

Выводъ, будто вся большая поэма составлена изъ отдѣльных пѣсенъ, тоже не принимается Гриммомъ. Онъ не отрицаетъ существованія самостоятельныхъ пѣсенъ о Нибелунгахъ, но полагаетъ, что наряду съ ними и также рано, какъ и онѣ, существовало уже все цѣлое. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ поэмы и можно замѣтить процессъ спаянія, то во всякомъ случаѣ каждое отдѣльное звено получило свою жизнь подъ непосредственнымъ вліяніемъ цѣлаго, хотя было понятнымъ и въ самостоятельномъ существованіи. Самымъ естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ, гдѣ источникъ характерныхъ особенностей поэмы. Явилась ли она во всемъ своемъ объемѣ, какъ продуктъ безыскусственного, произвольнаго развитія, обусловленнаго растущимъ сознаніемъ народа, или же возникла, благодаря личному творчеству отдѣльнаго поэта? Другими словами: слѣдуетъ ли смотрѣть на поэму о Нибелунгахъ, какъ на народное произведеніе, или же какъ на искусственное, обработанное по извѣстному плану? Лахманъ принимаетъ какую-то первоначальную форму всего цѣлаго, но не разъясняетъ при этомъ, гдѣ искать ее. Какому вліянію слѣдуетъ приписать разнообразныя видоизмѣненія, отклоненія и особенности разныхъ текстовъ пѣсни? Лахманъ отвѣчаетъ, — поэтамъ, діаскевастамъ, критикамъ, передѣльвателямъ; но ничего не говоритъ о возможности вліянія чисто народнаго творчества. Первоначальная форма поэмы, „очень похожая на нынѣшнюю“, по мнѣнію Лахмана, принадлежитъ первому поэту. Этотъ послѣдній почерпалъ свой матеріалъ изъ живого источника народныхъ сказаній. Но въ какомъ положеніи стоитъ этотъ поэтъ къ своему источнику, не видно изъ изслѣдованія Лахмана: были ли народныя сказанія въ необработанномъ видѣ, въ прозаической передачѣ, или же въ художественной формѣ, подобной нынѣшней? Какъ объяснить, что послѣдующіе діаскевасты лишь портили чистоту формы и изящество выраженія?

Поставивъ такіе вопросы, В. Гриммъ не нашелъ возможнымъ приписать созданіе поэмы одному лицу, выступившему въ роли творческаго поэта. Скорѣе это былъ человѣкъ лишь записавшій и сберегшій такимъ образомъ продуктъ чисто народнаго творчества. Поэтъ съ творческимъ талантомъ не оставилъ бы свой матеріалъ безъ сильнаго личнаго вліянія, и его произведеніе вполнѣ отличалось бы и своимъ содержаніемъ, и своей формой отъ народныхъ сказаній, послужившихъ для него основой.

Подъ вліяніемъ этихъ замѣтокъ В. Гримма Лахманъ, оставаясь еще при своихъ прежнихъ взглядахъ на происхожденіе поэмы, вноситъ ¹⁾ въ частностяхъ больше опредѣленности. Онъ думаетъ, что можно указать слѣды трехъ, различныхъ по времени, сборниковъ пѣсенъ о Нибелунгахъ: первымъ онъ называетъ сборникъ, которымъ пользовался авторъ Плача; второго сборника авторъ Плача не зналъ, именно сборника, передававшего вторую лишь половину поэмы почти въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до нашего времени; третій, наконецъ, сборникъ, — моложе Парсивала Вольфрама фонъ-Эшенбаха, — заимствованный изъ небольшихъ поэмъ, дошелъ до нашего времени вмѣстѣ съ вновь составленной своей первой частью. Второй и третій составители сборниковъ во многихъ случаяхъ согласуются въ рѣшѣніяхъ словъ; но второй при этомъ позволяетъ себѣ употреблять больше неправильныхъ рѣшѣній.

Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ Лахманъ рѣзко видоизмѣняетъ свой взглядъ на происхожденіе поэмы. Вмѣстѣ съ Гагеномъ онъ готовъ теперь признать ее за продуктъ „*божественнаго дара отдѣльнаго неизвѣстнаго поэта*“, если подъ этимъ поэтомъ будутъ разумѣть „*народъ*“, характеръ котораго отражается какъ во всемъ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ произведенія. О рыцарскомъ поэтѣ или пѣвцѣ не можетъ быть и рѣчи: здѣсь могъ быть лишь собиратель пѣсенъ, человѣкъ, приведшій ихъ

¹⁾ Kleinere Schriften, I, стр. 168: Auswahl aus den hochdeutschen Dichtern des XIII Jahrhunderts.

²⁾ Lachmann, Kleinere Schriften I, стр. 211: Der Nibelungen Noth und der Nibelungen Lied, herausg. v. Hagen, 1820. (206—271).

въ извѣстный порядокъ и до нѣкоторой степени обработавшій ихъ. Во всемъ XIII столѣтіи нѣтъ такого рыцаря, нельзя указать такого поэта, который воспринялъ бы народныя сказанія, выполнѣ въ народномъ духѣ, который, творя самостоятельно, былъ бы въ состояніи создать большую поэму опять таки чисто, въ народномъ характерѣ. Сверхъ того, какъ объяснить, допуская единоличное созданіе поэмы, ея общее совершенство и слишкомъ рѣзкую перемену тона въ разсказѣ, очевидныя противорѣчія и пропуски въ очень важныхъ мѣстахъ, какъ напр. умолчаніе о прежнемъ знакомствѣ Зигфрида съ Брунгильдой?

Все это очень удобно объясняется, если допустить участіе собирателя, упорядочителя, который самъ происходилъ изъ народа, жилъ среди него и знакомъ былъ съ большимъ числомъ самостоятельныхъ пѣсенъ. Ему оставалось лишь собрать разсѣянные пѣсни, привести ихъ въ порядокъ, относясь съ уваженіемъ и благоговѣйнымъ трепетомъ къ старинѣ. Онъ внесъ лишь незначительныя измѣненія, позволивъ себѣ нѣсколько прикрасить свой матеріалъ, ввести въ него нѣкоторыя описанія и скрыть кое-что слишкомъ чудесное и невѣроятное. Это вытекало изъ потребности вѣка, сдѣлавшагося уже безразличнымъ къ старымъ пѣснямъ. Мысль объ участіи въ созданіи поэмы поэта съ творческимъ талантомъ Лахманъ теперь рѣшительно не допускаетъ: подъ непосредственнымъ давленіемъ идей В. Гримма виновникомъ возникновенія поэмы онъ считаетъ теперь коллективную силу народа, осуществившуюся однако при посредствѣ отдѣльныхъ личностей. Совершенно различная манера изложенія, разнообразное соединеніе пѣсенъ въ первой и во второй половинахъ поэмы безъ сомнѣнія доказываютъ, что собирателей было собственно двое (прежде онъ принималъ трехъ), которыхъ онъ въ общемъ числѣ трехъ считаетъ вторымъ и третьимъ. При общемъ сходствѣ ихъ риѣмы лишь у второго встрѣчаются неправильныя употребленія ея. Множество отдѣльныхъ словъ и оборотовъ рѣчи различаютъ одного отъ другаго.

Третій изъ этихъ собирателей работалъ безъ сомнѣнія позднѣ появленія Парсивала Вольфрама фонъ-Эшенбаха, оконченнаго

послѣ 1195 г. и раньше 1212 г., когда появилось сочиненіе Вирента, *Вигалуа* (Wigalois). Изъ Парсивала упорядочитель пѣсни о Нибелунгахъ могъ заимствовать названіе страны „*Zazamanc*“ откуда получался шелкъ (стр. 353, 2; 1462) и, повидимому, отсюда же попали въ пѣсню французскія слова, которыхъ не употребляли еще ни Генрихъ фонъ-Вельдеке, ни Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ. Если принимать для возникновенія послѣдняго сборника пѣсень о Нибелунгахъ именно этотъ періодъ времени, то становится весьма вѣроятнымъ, что строгое употребленіе рими принадлежитъ исключительно собирателю, упорядочителю, ибо врядъ ли существовала уже въ народныхъ пѣсняхъ того времени строгая рима, только что начавшая вытѣснять *ассонансъ*. Около этого времени, или быть можетъ даже позднѣе, передѣльватель „*Mariu*“ *Вернера фонъ-Тегеризе* позволялъ себѣ еще въ высшей степени неправильную риму, а часто и сплошной *ассонансъ*.

При всемъ томъ упорядочители пѣсни о Нибелунгахъ повсюду являются еще народными поэтами, для которыхъ обычаи придворной поэзіи не считаются ненарушимымъ закономъ. Между прочимъ они употребляютъ какъ причастія на *ôt*, такъ и другія формы, и отдѣльныя слова, напр. *magedin*, которыхъ тщательно избѣгаютъ уже всѣ поэты, знакомые съ правилами искусства.

Разрозненные пѣсни о Нибелунгахъ принадлежали по мнѣнію Лахмана различнымъ поэтамъ, конечно, народнымъ. Въ какомъ отношеніи стояли эти поэты къ народу и его творчеству, разъясняетъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾.

„Во всѣхъ родахъ повѣствовательной поэзіи, въ особенности же въ народной, творчество, по крайней мѣрѣ въ средніе вѣка, постоянно отдѣлено отъ изложенія. Сказаніе возникаетъ, живетъ и растетъ своей собственной таинственной жизнью: поэтъ, авторъ отдѣльнаго поэтическаго разсказа не вноситъ въ фабулу ничего существеннаго отъ себя; дѣйствующія лица и событія движутся безъ участія его субъективнаго элемента“.

¹⁾ *Lachmann, Kleinere Schriften, I, стр. 407: Ueber das Hildebrandslied. 1833 (407—449).*

Очевидно, что въ своихъ взглядахъ на народныя произведенія Лахманъ теперь совершенно приблизился къ воззрѣнiю В. Гримма, который приписывалъ сравнительно очень мало значенія личности въ тотъ періодъ, когда общественная жизнь вполнѣ еще поглощала индивидуальность и дѣлала обязательнымъ для каждаго ея обычные вкусы, понятія, взгляды и религіозныя убѣжденія.

Такимъ образомъ мы прослѣдили послѣдовательное развитіе взгляда Лахмана на сущность пѣсни о Нибелунгахъ и можемъ обобщить его выводы въ слѣдующихъ словахъ.

Первоначально существовали отдѣльныя пѣсни о Нибелунгахъ, принадлежащія разнымъ пѣвцамъ народнымъ, почерпавшимъ свой матеріалъ изъ народныхъ сказаній. Очень можетъ быть, что связь всего цѣлаго была уже намѣчена въ устныхъ разсказахъ, не предназначенныхъ еще для пѣнія. Затѣмъ сдѣланы были послѣдовательно три сборника народныхъ пѣсенъ, изъ котораго одинъ позднѣйшій въ обработанномъ видѣ дошелъ до нашего времени въ разныхъ рукописяхъ. Поэтому критика должна возстановить въ первоначальной чистотѣ работу третьяго собирателя или упорядочителя пѣсенъ, что не можетъ быть сдѣлано безъ предварительной критики разныхъ рукописей. Слѣдовательно, исходнымъ пунктомъ всѣхъ изслѣдованій оказывается разборъ рукописей. Затѣмъ возстановленіе текста третьяго собирателя пѣсенъ, разъясненіе особенностей второго и третьяго сборниковъ: второй былъ принятъ въ третій безъ глубокихъ измѣненій. Наконецъ, высшей задачей критики, представляющей наибольшія трудности, оказывается необходимость прослѣдить за судьбой пѣсенъ, прежде чѣмъ онѣ попали въ руки собирателей. На всѣ эти поставленные вопросы Лахманъ далъ сильный отвѣтъ. Какъ отнеслась нѣмецкая наука къ его трудамъ, мы увидимъ ниже, а теперь перейдемъ къ результатамъ изслѣдованій, ближайшимъ образомъ связаннымъ съ первымъ періодомъ научнаго анализа поэмы о Нибелунгахъ, считая за таковой время до смерти Лахмана.

5. Взаимное отношеніе рукописей.

Важность вопроса о рукописяхъ, въ которыхъ сохранилась пѣснь о Нибелунгахъ, была признана уже фонъ-деръ-Гагеномъ. Но ему не доставало критическаго чутія и достаточной филологической подготовки для прочной постановки анализа разныхъ рукописей, признаннаго имъ за первое условіе плодотворности самаго изслѣдованія пѣсни о Нибелунгахъ.

Лахманъ построилъ всю свою исторію о національномъ эпосѣ апріорно и лишь позднѣе укрѣпилъ ее на извѣстномъ взглядѣ на рукописи и его точка зрѣнія безусловно господствовала въ теченіе цѣлаго поколѣнія ученыхъ. Усвоенные имъ принципы были приняты и защищаемы его школой и продолжаютъ существовать донинѣ, хотя противная теорія, впервые сильно обоснованная Гольцманомъ послѣ смерти уже Лахмана, подрывала почву подъ основными его положеніями.

За недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи поэмы, объ ея авторѣ, о времени и мѣстѣ ея возникновенія рѣшеніе этихъ вопросовъ сводится къ разсмотрѣнію внутреннихъ особенностей разныхъ редакцій поэмы и въ нихъ отыскиваются косвенныя доказательства для совершенно разныхъ точекъ зрѣнія.

Являются ли двѣ главные группы рукописей лишь постепеннымъ, произвольнымъ видоизмѣненіемъ первоначальнаго текста, или же можно видѣть въ развѣтвленіи рукописей произвольную переработку когда-то общаго всѣмъ имъ текста, или же, наконецъ, слѣдуетъ предполагать въ основѣ каждой группы свой особый подлинникъ, вотъ вопросы, къ которымъ сводилось изученіе рукописей.

Трудность рѣшенія этихъ вопросовъ заключается въ чрезвычайно запутанныхъ отклоненіяхъ разныхъ текстовъ: различіе то въ бѣльшей, то въ меньшей мѣрѣ выражается въ языкѣ, въ оборотахъ рѣчи, въ числѣ строфъ, въ характерѣ всего цѣлаго, въ особенности риѣмы, въ свойствахъ стиля и изложенія. Всѣ эти пункты даютъ основанія съ разныхъ точекъ зрѣнія дѣлать выводы о томъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ народнымъ безыскус-

ственнымъ эпосомъ, или же лишь съ продуктомъ художественной обработки народнаго матеріала со стороны образованнаго поэта?

Полное перечисленіе рукописей съ обозначеніемъ ихъ качествъ мы приведемъ въ особомъ приложеніи библіографіи пѣсни о Нибелунгахъ, а теперь можемъ замѣтить, что не всѣ изъ нихъ имѣютъ одинаковое значеніе для критики текста: важнѣйшія изъ нихъ распадаются на слѣдующія три группы, образующія два отдѣла литературной обработки, связанные между собой переходной, посредствующей средой рукописей:

Nibelunge nôt	{	I. Самый короткій текстъ—A.
		II. Вульгата—BD ³ LMNS ³ begi.
		III. Переходная группа—HIKOQdhl.
Nibelunge liet		IV. Самый длинный текстъ—CD ¹ EFGR S ¹ a l ¹ .

Рукописи, обозначенныя цифрами 1, 2 передаютъ смѣшанный текстъ.

До Лахмана, какъ мы знаемъ, не было настоящаго критическаго изданія пѣсни, хотя онъ и отзывался съ похвалою объ изданіи Гагена, вышедшемъ въ 1820 г. Лахманъ первый возстановилъ текстъ и снабдилъ его необходимымъ критическимъ аппаратомъ. Нужно однако имѣть въ виду, что Лахману не всѣ рукописи были доступны, нѣкоторыя изъ нихъ остались для него неизвѣстными, причемъ были и очень важныя для критики текста: KNOPQRS a b d l k m (w).

Лахманъ призналъ текстъ рук. A самымъ старымъ, являющимся въ рук. B въ переработанномъ и улучшенномъ видѣ. Текстъ рук. B въ свою очередь подвергался передѣлкѣ и появился въ свѣтъ подъ видомъ рук. C. Взгляды свои Лахманъ критически обосновалъ въ предисловіи къ своему изданію пѣсни 1826 года, затѣмъ развилъ его десять лѣтъ спустя въ новой своей работѣ „*Anmerkungen zu den Nibelungen und zur Klage*“, 1836 года. Между тѣмъ двадцать лѣтъ раньше, именно въ 1816 году, онъ высказалъ уже свой взглядъ на происхожденіе пѣсни, не затрогивая еще серьезно вопроса о рукописяхъ; такимъ образомъ теорія его оказывается какъ бы построенной априорно.

Признавъ на основаніи внутреннихъ признаковъ поэмы ея происхожденіе изъ народныхъ пѣсенъ посредствомъ простого собранія ихъ, Лахманъ считалъ, вполне логичнымъ видѣть въ самой кратчайшей и самой несовершенной редакціи рук. А древнѣйшій текстъ. Особенности свойства рук. А, ея краткость, несовершенство, испорченность и пропуски въ текстѣ—очень можетъ быть не первоначальные — дали Лахману возможность отереть въ поэмѣ слѣды двадцати первоначальныхъ пѣсенъ, положенныхъ въ ея основаніе. Эти двадцать народныхъ пѣсенъ въ формѣ романсовъ были сочинены около 1190 и не позже 1210 года. Раньше 1190 года не могла быть сочинена ни одна строфа изъ всей поэмы ¹⁾, ибо раньше Генриха фонъ-Вельдекъ никому не удалось достигнуть такой чистоты языка и рими, какую находимъ въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. Почти въ то же самое время, такъ около 1210 года, съ нѣкоторыми прибавленіями и продолженіями новосочиненныя пѣсни собираются въ одно цѣлое. Это цѣлое и есть пѣснь о Нибелунгахъ въ томъ ея видѣ, въ какомъ передаетъ ее довольно плохая рук. А. Текстъ ея еще очень не совершененъ, изложеніе не ровно, противорѣчій очень много; все это указываетъ на первоначально разрозненное существованіе отдѣльныхъ пѣсенъ; мѣста, гдѣ онѣ были спаяны, еще недостаточно сглажены въ этой редакціи. Такимъ образомъ вполне послѣдовательно объясняется возникновеніе поэмы безъ участія творческаго таланта какого бы то ни было поэта.

Затѣмъ взглядъ Лахмана на другія рукописи развивается своимъ дальнѣйшимъ путемъ, идя отъ болѣе простого къ сложному, отъ несовершеннаго къ лучшему. Графически онъ выразится въ такой формулѣ:

А — В — I — С.

По ней въ концѣ развитія стоитъ самая лучшая рукопись, самая совершенная, передающая самый полный и исправный текстъ, безъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, какія послужили фундаментомъ для теоріи Лахмана. И такъ, по позднѣйшему взгляду

¹⁾ *Lachmann*, Anmerkungen zu den Nibelungen und zur Klage 1836, стр. 4.

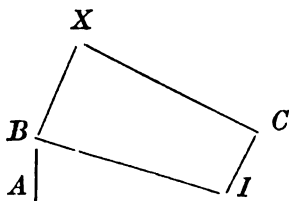
Лахмана на пѣснь о Нибелунгахъ она оказывается продуктомъ чисто народнаго творчества и стоитъ во главѣ народнаго эпоса.

Мнѣніе Лахмана осталось господствующимъ до 1854 года, когда появилось изслѣдованіе *Гольцмана* ¹⁾. Будучи поклонникомъ другой теоріи народнаго эпоса, этотъ послѣдній пришелъ какъ разъ къ противоположному взгляду на взаимное отношеніе рукописей. По его мнѣнію пѣснь о Нибелунгахъ, какъ продуктъ творческаго таланта отдѣльнаго поэта, должна была возникнуть первоначально въ самомъ совершенномъ видѣ, каковой мы и находимъ въ рук. *С*. Позднѣйшія передѣлки, переработки портили только поэму, подвергая ее измѣненіямъ соотвѣтственно вкусу и потребностямъ времени: одно было выброшено, другое прибавлено, многія мѣста были сокращены. Такимъ образомъ генетическая зависимость главныхъ рукописей принимаетъ такой видъ:

С — I — В — А.

Та и другая теорія логически могутъ быть допущены и могутъ быть поддержаны примѣрами изъ средневѣковой литературы; но сумма прямыхъ и косвенныхъ доводовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ основаній скорѣе служить къ подтвержденію теоріи Гольцмана.

Затѣмъ попытку примирить ту и другую теорію сдѣлалъ Барчъ въ своемъ изслѣдованіи пѣсни о Нибелунгахъ ²⁾. По его мнѣнію какъ *В*, такъ и *С* оказываются переработками какого то первоначальнаго, теперь потеряннаго текста (*X*), но изъ нихъ *В* ближе и вѣрнѣе передаетъ свой подлинникъ. Далѣе, изъ *В* возникаетъ *А*, а изъ *С* — *I*, такъ что генетическая зависимость текстовъ будетъ выражаться въ такомъ видѣ:

¹⁾ *Adolf Holtzmann*, Untersuchungen über das Nibelungenlied. Stuttgart 1854 (VIII. 212).

²⁾ *K. Bartsch*, Untersuchungen über das Nibelungenlied. Wien. 1865, (XII. 385).

Объ послѣднія теоріи были высказаны уже послѣ смерти Лахмана (+1851) и разборъ ихъ былъ сдѣланъ представителями его школы, какъ Мюлленгофъ и другіе, которые и развили подробнѣе взгляды своего учителя на взаимное отношеніе разныхъ текстовъ пѣсни, дополнивъ его доказательства новыми данными. Поэтому мы ограничимся вышеприведенными замѣчаніями о рукописяхъ и отложимъ разборъ разныхъ теорій до второй половины очерка, гдѣ будетъ рѣчь объ изслѣдованіяхъ, появившихся уже послѣ смерти Лахмана.

6. Историческая часть сказаній о Нибелунгахъ.

Пѣснь о Нибелунгахъ при своемъ появленіи на свѣтъ изъ старыхъ средневѣковыхъ рукописей произвела такъ много шума, что ею заинтересовались не только литературные историки, филологи и любители старины, но также и чистые историки и миеологи. Каждый сиѣшилъ внести свою долю участія въ разясненіе ея таинственнаго смысла, ея происхожденія и состава.

На географію и исторію Нибелунговъ первый обратилъ вниманіе Троссъ ¹⁾ а нѣсколько позднѣе объ историческихъ основаніяхъ пѣсни писалъ А. В. Шлегель ²⁾ и находилъ возможнымъ допустить, что сказанія о Нибелунгахъ существовали уже въ языческую пору германской жизни. Онъ первый высказалъ мысль, что сказанія эти составились изъ историческихъ преданій готовъ, бургундовъ, франковъ, лонгобардовъ и другихъ племенъ и втянули въ себя событія, связанныя съ личностью Аттилы и съ временемъ великаго передвиженія народовъ. Что же касается самой поэмы, то она, по мнѣнію Шлегеля, обработана по заранѣе задуманному плану.

Съ другой стороны миеологи утверждали, что въ основѣ пѣсни о Нибелунгахъ нѣтъ ровно никакой исторической почвы ³⁾; скорѣе всего въ ней можно усмотрѣть элементы языческаго вѣ-

¹⁾ *Tross*, Ueber Geograph. und Gesch. des Nibelungenliedes вь Zeitschrift Thusnelda, Heft I, 1807.

²⁾ *A. W. Schlegel*, Werke XII, стр. 383—426. Leipzig 1847.

³⁾ *Mone*, Einleitung in das Nibelungen-Lied. Heidelberg 1818.

рованія, такъ что по своему первоисточнику она принадлежитъ миеологіи. Когда старые боги потеряли свой смыслъ, имъ приданъ былъ историческій характеръ, ихъ облегли внѣшностью историческихъ героевъ и смѣшали съ событіями и дѣятелями позднѣйшей жизни.

Съ чисто исторической точки зрѣнія посмотрѣвъ на поэму о Нибелунгахъ *Гётлинга*¹⁾. Онъ не отрицалъ происхожденія ея изъ народныхъ сказаній, составлявшихъ продуктъ чисто народнаго творчества въ родѣ пѣсенъ Эдды (какъ ему казалось), при посредствѣ единой мысли и чувства отдѣльнаго поэта. Зародыши старыхъ нѣмецкихъ сказаній онъ находилъ въ половинѣ V столѣтія, около времени Атиллы, а поражение Нибелунговъ открывалъ въ историческомъ фактѣ, — истребленіе бургундовъ въ 436 г. Ссору Брунгильды съ Кримгильдой онъ усматривалъ въ исторіи франковъ VI столѣтія, именно въ извѣстной распрѣ австразійскихъ Брунихильды и Фредегунды; Зигфрида открывалъ въ австразійскомъ Зигбертѣ. Эти два событія V и VI столѣтія послужили, по его мнѣнію, ядромъ, изъ котораго со временемъ разростается сказаніе о Нибелунгахъ. Имя послѣднихъ онъ сводилъ къ историческимъ *Гибелинамъ*, противники которыхъ *Вельфы* отразились въ сказочныхъ *Вѣльфингахъ*²⁾. Произошло это слѣдующимъ образомъ: швабскій герцогъ, писавшій свое имя *Неби* и *Веби*, былъ въ родствѣ съ Карломъ Великимъ черезъ жену послѣдняго, Гильдегарду. Всѣ швабы, бывшіе на сторонѣ Каролинговъ, получили прозваніе въ народѣ *Вебилинги* или *Небилинги* въ отличіе отъ другихъ, бывшихъ на сторонѣ Меровинговъ. Такимъ путемъ по объясненію Гётлинга произошли изъ Гибелиновъ Нибелунги, и старыя народныя сказанія подъ вліяніемъ исторіи впитали въ себя преданія о борьбѣ Вельфовъ и Гибелиновъ. Подтвержденіемъ его домысла должны были служить слѣдующіе факты, заимствованные изъ самой поэмы: Нибелунги, перейдя Дунай, убиваютъ въ Баваріи Гельфарта. Онъ былъ Вельфъ;

¹⁾ *Götting, Ueber das Geschichtliche im Nibelungenliede. Rudolstadt 1814.*

²⁾ *Götting, Nibelungen und Gibelinen. Rudolstadt. 1816.*

Фолькертъ же, убившій его, вступивъ на баварскую землю, поднялъ на своемъ копѣй красный значекъ, что обозначаетъ красную линію Гибелиновъ.

Напротивъ того мѣологи, какъ Монэ ¹⁾, объясняли происхождение слова „Нибелунги“ отъ „Nebel-Jungen“ т. е. сыны тумана, дѣти ночи, и въ тоже время ставили ихъ въ связь съ Nebulonen-Franken, встрѣчающимися въ стихотворномъ повѣствованіи о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Но одностороннія объясненія какъ мѣологической, такъ и исторической школы не имѣли успѣха. Только критическому направленію удалось отдѣлить элементы мѣологическій отъ историческаго и представить картину преемственнаго развитія народнаго сказанія о Нибелунгахъ. Такое строго научное разграниченіе основныхъ элементовъ сказанія было впервые представлено Лахманомъ ²⁾.

Основой для всего сказанія о Нибелунгахъ послужила, по мнѣнію Лахмана, трагическая исторія бургундскаго народа. Въ V вѣкѣ бургунды занимали оба берега средняго Рейна. Имена бургундскихъ королей, какъ *Гундобальдъ* и его предки *Gibica*, *Gundomaris*, *Gislaharius* и *Gundaharius* соотвѣтствуютъ именамъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. Въ 435 году бургунды были разбиты Аэціемъ, а въ 437 уничтожены со всѣмъ королевскимъ домомъ гуннами. Это событіе и послужило основой для сказанія объ истребленіи Нибелунговъ, привлеченныхъ сюда изъ области мѣологическихъ франкскихъ преданій о Зигфридѣ. Нибелунги и Зигфридъ, по Лахману, личности не историческія, но чистый мѣоъ, между тѣмъ какъ другія лица поэмы заимствованы изъ исторіи. Такъ Дитрихъ безспорно соотвѣтствуетъ Теодориху Великому остготскому и вошелъ изъ лангобардскихъ преданій въ бургундскія сказанія прежде, чѣмъ эти послѣднія слились съ франкскими мѣологическими вѣрованіями.

Сверхъ того венгерскія сказанія, о существованіи которыхъ свидѣлствуютъ Прискъ и Йорнандъ, передаютъ между многими

¹⁾ F. I. Mone, Einleitung in das Nibelungenlied, 1818, стр. 17

²⁾ K. Lachmann, Kritik der Sage von den Nibelungen въ Rhein-Museum 1829, III Jahrg.; перепечатано въ 1836 г. въ „Anmerkungen“ (333—349).

женами Аттилы имя нѣмецкой принцессы *Ildico*, уменьшительное отъ *Hilde*, что составляетъ послѣднюю половину имени *Kriemhilde*, но въ то же время венгерскія сказанія ничего еще не знаютъ ни о Зигфридѣ, ни о Гунтерѣ, ни о Нибелунгахъ.

Связались слѣдовательно венгерскія сказанія съ бургундскими тоже прежде, чѣмъ эти послѣднія слились съ франескими. Поводомъ тому, что бургундскія сказанія, осложненные лангобардскими и венгерскими, слились съ франескими, послужило общее имя Гунтера и неполнота мифа о Зигфридѣ, смерть котораго оставалась неотомщенной.

Въ такомъ видѣ развивалъ свои доказательства Лахманъ. Одновременно съ его изслѣдованіемъ появилось изысканіе В. Гримма, предложившаго другую теорію объясненія сказаній о Нибелунгахъ ¹⁾.

Въ теоріи В. Гримма главнѣйшую роль играютъ сѣверно-скандинавскія сказанія, во многомъ несогласныя съ нѣмецкими преданіями о Нибелунгахъ. Личность сѣвернаго *Атли* Гриммъ вполне отдѣляетъ отъ историческаго *Аттилы* и думаетъ, что они обобщены были лишь значительно позднѣе. Въ полномъ видѣ сказаніе о Нибелунгахъ было уже составлено, когда историческія событія подали поводъ къ смѣшенію именъ сѣвернаго Атли съ гуннскимъ Аттилой и къ сліянію сказанія о гибели Глюкунговъ съ разсказами объ уничтоженіи Бургундовъ.

Сѣверная Кримгильда-Гудрупа не мститъ своимъ братьямъ за смерть мужа, Зигфрида: она удовлетворяется вирой, полученной отъ нихъ; напротивъ того, она убиваетъ Атли, второго своего мужа, мстя за смерть братьевъ. Эти черты, разнящія сѣверныя сказанія отъ германскихъ, находятъ свое оправданіе въ бытовыхъ понятіяхъ древняго сѣвера и убѣждаютъ Гримма въ большей чистотѣ и первоначальности сѣверныхъ сказаній.

¹⁾ *W. Grimm, Die Deutsche Heldensage. Göttingen 1829, (VIII, 425).*

Нѣсколько позднѣе предложилъ новую теорію ¹⁾ *Гизебрехтъ*, объясняя эпосъ съ *эвemerистической* точки зрѣнія. Эпическія личности и событія по его толкованію суть ничто иное, какъ дѣйствительно существовавшія явленія жизни, но облеченныя въ поэтическую или фантастическую форму.

Въ герояхъ эпоса часто подѣ странной формой можно открыть слѣды нѣкогда бывшихъ замѣчательныхъ дѣятелей исторіи. Такъ карликъ Альберихъ оказывается вестготскій король, Аларихомъ, проигравшимъ битву Хлодвигу; Гагенъ олицетворяетъ собой злого духа королевскаго франкскаго дома, несущаго послѣдствія проклятія; Вѣльсунги и Нибелунги возникли отъ именъ рѣкъ, Вагалисъ и Набалія, на берегахъ которыхъ сражался Клавдій Цивилій; драконъ, убитый Зигфридомъ, обозначаетъ римское войско съ его непонятнымъ языкомъ, панцырнымъ вооруженіемъ, схваченное образнымъ представленіемъ народа въ моментъ, когда оно медленно тянется по ущеліямъ горъ; роговая кожа Зигфрида возникаетъ отъ такового же народнаго представленія о военномъ римскомъ вооруженіи, добытомъ Арминіемъ; пониманіе Зигфридомъ языка птицъ является послѣдствіемъ знанія латинскаго языка тѣмъ же Арминіемъ.

Такимъ образомъ корни всего сказанія о Нибелунгахъ, по мнѣнію Гизебрехта, лежатъ въ исторіи Арминія. Его судьба представляетъ поразительное сходство съ участіемъ Зигфрида; онъ также погибаетъ отъ измѣны своихъ ближайшихъ родныхъ, а жена его и дѣти попадаютъ въ руки враговъ. Около времени Клавдія Цивилія преданіе объ Арминіѣ упрочивается на берегахъ Рейна и обогащается матеріалами изъ исторіи *Хродихильды*, жены Хлодвига I. Она происходила изъ племени бургундовъ; для ея, Гундобальдъ, умертвилъ ея отца, мать и братьевъ, а ее выдалъ замужъ за Хлодвига.

Хлодвигъ въ послѣдствіи потребовалъ богатствъ своего тестя и, когда его сынъ, Зигерихъ, былъ убитъ Зигмундомъ, сыномъ Гундобальда, Хродихильда возбудила войну съ бургундами, кон-

¹⁾ *A. Giesebrecht, Ueber den Ursprung der Siefgfriedasage* въ *Germania* 1837, II, стр. 203—233.

чившуюся совершеннымъ истребленіемъ всего народа въ 538 году. Эта катастрофа соединилась въ сказаніи съ бывшимъ столѣтъ раньше пораженіемъ тѣхъ же бургуновъ отъ Аттилы.

Послѣднія историческія сближенія Гизебрехта не потеряли своего значенія еще и въ настоящее время; но общая его точка зрѣнія на сущность эпоса, его эвгемеристическое толкованіе оставлено совершенно безъ вниманія.

Такимъ образомъ Лахманъ со своей теоріей ближе всѣхъ подошелъ къ истинному рѣшенію вопроса объ исторической основѣ сказаній о Нибелунгахъ; его точка зрѣнія и была усвоена послѣдующими учеными и результаты его критики приняты наукой съ дополненіями и нѣкоторыми измѣненіями.

Что же касается взгляда В. Гримма, то онъ не нашелъ въ нѣмецкой наукѣ себѣ послѣдователей и для нашего времени уже устарѣлъ. Однако масса собранныхъ имъ историческихъ свидѣтельствъ для сѣверныхъ и германскихъ сказаній и глубокая ученость его работы дѣлаютъ книгу ¹⁾ его чрезвычайно интересной и крайне необходимой при изученіи древне-германскихъ сказаній. Какой видъ принимаетъ въ подробностяхъ исторія возникновенія, развитія и распространенія сказаній о Нибелунгахъ, какъ результатъ общихъ усилій нѣмецкихъ ученыхъ, мы изложимъ во второй части своего очерка. Теперь же насъ интересуетъ главнымъ образомъ преемственная связь разныхъ теорій и изысканій въ области народнаго слова, а потому намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о выясненіи мифологической стороны сказанія о Нибелунгахъ.

7. Мифологическая часть сказаній о Нибелунгахъ.

Въ противоположность эвгемеристической теоріи, объяснявшей всѣ факты сказанія событіями дѣйствительной исторической жизни, лишь окрашенными поэтической фантазіей народа, выступила со своими толкованіями школа мифологическая.

¹⁾ *W. Grimm, Die deutsche Heldensage. Götting. 1829; второе исправленное К. Мюллентгофомъ изданіе вышло 1868.*

Первый трудъ съ этимъ направленіемъ принадлежитъ *Монэ* ¹⁾. Отрицая всякую историческую подкладку въ сказаніи о Нибелунгахъ, онъ видитъ начало поэтическаго преданія въ мифологическихъ воззрѣніяхъ германскаго племени, общихъ со всѣми арійскими народами. Въ видѣ обще-европейскаго наслѣдія германцы вынесли изъ своей арійской родины самыя общія идеи о міровой жизни, о явленіяхъ окружающей природы и небснаго свода. Смѣна дня и ночи, зимы и лѣта, заходъ и восходъ солнца, прибавленіе и убыль луны—всѣ эти фзическія явленія были понаты тогда уже, какъ мнѣ о смерти добраго бога, погибшаго отъ своего злого соперника. Міръ повергается въ печаль; но такъ какъ существо бога вѣчно, то черезъ извѣстный промежутокъ времени слѣдуетъ воскресеніе, второе рожденіе.

Этотъ обще-арійскій мнѣ лежитъ въ основѣ сказанія о Зигфридѣ, который такимъ образомъ служитъ представителемъ *солнечнаго бога*. Въ судьбѣ его Монэ старается отыскать три главные момента: *смерть, печаль міра, новое рожденіе*, что, дѣйствительно, и находитъ въ сказаніи о Нибелунгахъ.

Такъ Зигфридъ убитъ злымъ Гагеномъ въ праздникъ лѣтнаго солнцеворота,—это первый моментъ; трупъ его выставленъ въ церкви въ теченіе трехъ дней, глубокая печаль Кримгильды и всего народа о смерти рано-погибшаго героя—составляютъ второй моментъ; третій моментъ мнѣ не выраженъ въ сказаніи. Чтобы поддержать свою теорію, авторъ привлекаетъ извѣстное, распространенное преданіе о безсмертіи спящаго въ скрытомъ мѣстѣ героя. Въ числѣ такихъ таинственныхъ витазей, подобно Карлу Великому и Фридриху Барбароссѣ, между прочимъ упоминается и Зигфридъ ²⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Монэ, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ отразился одинъ мнѣ; гораздо осторожнѣе въ этомъ случаѣ поступилъ Лахманъ. Отдѣливъ, какъ мы видѣли, элементъ историческій въ сказаніи о Нибелунгахъ, Лахманъ первый далъ обстоятельное

¹⁾ *Mone, Einleitung in das Nibelungen-Lied. Heidelberg 1818.*

²⁾ *Gaston Paris, Histoire poétique de Charlemagne. 1865, стр. 427.*

мифологическое толкованіе той части, которая выходитъ за предѣлы исторіи.

Родъ Зигфрида, Вельсунги, по его мнѣнію, не могутъ быть прикрѣплены ни къ какому историческому моменту, ни къ какой географической мѣстности. По своимъ свойствамъ и поступкамъ они стоятъ выше обыкновенныхъ людей: такъ Зигмундъ убиваетъ дракона и пьетъ безъ вреда ядъ; Зигфридъ пьетъ кровь дракона, мѣняетъ свой образъ съ Гунтеромъ, владѣетъ кладомъ и шапкой невидимкой. Поэтому они принадлежатъ къ высокому роду боговъ. О Нибелунгахъ же сказаніе не сообщаетъ ничего особенно характеристичнаго, а потому изъ сопоставленія разныхъ признаковъ Лахманъ приходитъ къ убѣжденію, что Вельсунги и Нибелунги идентичны, т. е. эти два названія сливаются въ одномъ содержаніи: это—существа сверхчеловѣческія изъ холоднаго, туманнаго царства мертвыхъ. Имъ первоначально принадлежитъ кладъ и къ нимъ же въ концѣ концовъ онъ опять возвращается. Зигфридъ, какъ Вельсунгъ, одаренный божественной силой, добываетъ кладъ, прежде принадлежавшій Нибелунгамъ и похищенный Асами: Однимъ, Гѣниромъ и Локи. Они налагаютъ на золото проклятіе, переходящее и на его обладателей. Оно постигаетъ и Зигфрида, который подпадаетъ власти темнаго царства и добываетъ свѣтлую невѣсту, Брунгильду не для себя, но для своего повелителя, короля царства тѣней. Кольцо изъ клада Нибелунговъ, подаренное Зигфридомъ Брунгильдѣ, приноситъ несчастіе и ей: послѣ умерщвленія Зигфрида она налагаетъ на себя руку.

Въ такомъ видѣ представлялся Лахману первоначальный мифъ, хотя и онъ оказывается уже осложненнымъ: всѣ бытовые мотивы должны быть удалены изъ мифа. Независимо отъ прежде изложенной теоріи Монэ, Лахманъ призналъ въ Зигфридѣ солнечнаго бога, борящагося съ темными силами природы. Онъ добываетъ кладъ, принадлежащій царству мертвыхъ, подпадаетъ ихъ власти и служить имъ. Добываетъ для себя невѣсту изъ царства огня и принужденъ уступить ее королю темныхъ силъ; самъ погибаетъ отъ злого демона, а кладъ снова переходитъ въ обладаніе темныхъ силъ въ глубинѣ волнъ Рейна.

Теорія Лахмана нашла послѣдователей и принята съ нѣкоторыми измѣненіями позднѣйшими изслѣдователями ¹⁾).

Другой взглядъ, основанный на болѣе глубокомъ изученіи мифологическихъ сказаній скандинавскаго сѣвера, провелъ въ своемъ изслѣдованіи *Вильгельмъ Мюллеръ* ²⁾; но съ его выводами познакомимся лишь во второй половинѣ нашего очерка.

И такъ, слѣдуя за литературной судьбой пѣсни о Нибелунгахъ, мы указали три важные момента въ исторіи изученія народной словесности вообще: первымъ побужденіемъ къ этого рода научнымъ изысканіямъ были мечтанія натурфилософовъ и романтиковъ о природной поэзіи; ее они надѣялись найти въ самомъ чистомъ видѣ въ безыскусственномъ творествѣ народной массы, съ которой при этомъ смѣшивали и средневѣковыхъ лириковъ. Увлеченіе романтиковъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ философской системой Фихте и Гегеля сообщилося молодому кружку Станкевича, Грановскаго и К. Аксакова въ Москвѣ и, породивъ тамъ такъ называемое западническое и славянофильское направленіе, вызвало на поприще изученія народной словесности братьевъ Кирѣевскихъ, которые и были въ сущности первыми научно подготовленными собирателями памятниковъ творчества русскаго народа ³⁾).

Второй моментъ въ научной судьбѣ словесности носить сильный отпечатокъ націонализма. Этотъ колоритъ сообщили своимъ изслѣдованіямъ младшіе представители романтической школы, думавшіе найти источникъ національнаго обновленія въ наиболѣе тѣсномъ сближеніи съ народомъ. Такое отношеніе къ памятникамъ народнаго творчества съ наибольшей выразительностью проявилось во всѣхъ славянскихъ земляхъ, а также

¹⁾ *K. Müllenhoff*, Zur Geschichte der Nibelungensage, ZfdA. X. 146—180; *R. v. Muth*, Einleitung in das Nibelungenlied 1877 (VI+425); *R. Hennig*, Nibelungenstudien. 1883 (IX+329).

²⁾ *W. Müller*, Versuch einer mythologischen Erklärung der Nibelungensage. 1841, (VI+148).

³⁾ *А. Пыпинъ*, Изученія русской народности. Историко-литературный обзоръ. Вѣст. Евр. 1881, VII, VIII, IX; 1882, IV, VI, VII.

въ Греціи, гдѣ оцѣнка народныхъ произведеній получила направленіе узко-національное, обусловленное въ значительной мѣрѣ политическимъ положеніемъ этихъ странъ ¹⁾).

Правильный и широкій ходъ научныхъ работъ въ Германіи скоро выдвинулъ новое направленіе въ изученіи безыскусственного творчества,—это былъ третій моментъ. Характеръ его—строго научный, объективный. Первымъ выдающимся представителемъ этого новаго направленія былъ Яковъ Гриммъ; разносторонность ума и широкая эрудиція удержали его отъ рабскаго поклоненія германизму, которое проповѣдывалось современной ему философіей. Въ предисловіи къ своей „Исторіи нѣмецкаго языка“ ²⁾ онъ между прочимъ говоритъ: „взоръ мой стремится проникнуть въ свѣтлую будущность. Кто знаетъ?! Пройдутъ еще два-три человѣческіе вѣка, и, быть можетъ, всемірное владычество раздѣлитъ между собой три великія племени: романское, германское и славянское“. И вотъ это научное направленіе въ изученіи безыскусственного народнаго творчества широкой и плодотворной волной разлилось изъ Германіи по всѣмъ странамъ Европы, смѣнило нѣсколько своихъ способовъ толкованія литературно-словесныхъ фактовъ—мнеологическій, литературный и психологическій—и, выработавъ широкій сравнительный приѣмъ, постепенно вноситъ свѣтъ и порядокъ въ тотъ необозримый матеріалъ, которымъ располагаетъ теперь „наука о народѣ“ или такъ называемая „Folk-Lore“ ³⁾ и ея многочисленные представители во всѣхъ странахъ Европы.

¹⁾ И. Созоновичъ, Изученіе ново-греческой народной поэзіи. Рус. фил. Вѣстникъ 1888, кн. III и IV.

²⁾ Яс. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig 1848, 1880⁴.

³⁾ Comte de Puymaigre, Folk-Lore. Paris 1885.